

Джеймс Уайли

"В поисках фаллоса: Приап и Инфляция Мужского"

Люди стремятся к большему пониманию психологической подоплеки своего пола и своей сексуальности. Некоторые думают, что в патриархальном обществе мужчины постигают основы своего мужского начала естественным и спонтанным образом. Увы, это далеко не так.

Приап был древнегреческим богом, известным огромными размерами своих гениталий. В данной книге Приап рассматривается в качестве соответствующей метафоры инфляции (мании величия) нынешнего патриархата - его высокомерия, напыщенности и неудержимого стремления ко все большей власти. Автор предпринял впечатляющий историко-литературный анализ, дополненный примерами из собственной клинической практики.

Предисловие к русскому изданию

Для меня большой радостью является возможность увидеть свою работу, опубликованную на русском языке для российского читателя. Поразительно осознавать, что это стало возможным, поскольку в мире, в котором я вырос, считалось, что мы навечно разделены непреодолимой пропастью. Поэтому, я очень признателен русским издателям, Санкт-Петербургскому Психоаналитическому Обществу, переводчику и, в особенности, своему другу, редактору и переводчику аналитической серии Валерию Зеленскому, сделавшим эту публикацию здравой реальностью. Это ли не ощутимое доказательство того, что многое изменилось, а мы оказались гораздо более похожими друг на друга.

Остается понять, какие аспекты маскулинной психологии, которые я попытался продемонстрировать в этой небольшой книге, смогут оказаться узнаваемыми читателями на другой стороне планеты. Смею предположить, что они обнаружат и значимые различия, и поразительные сходства с самими собой. Но вне зависимости от этого, я надеюсь, что моя работа сможет стать чем-то средним между линзой и зеркалом, позволяющей моим российским читателям увидеть нечто новое и поразмышлять над этим новым в плане индивидуальной психологии: стремлением к самораскрытию, которое, поистине, универсально для всего человечества и навсегда останется одной из самых восхитительных неотвязных идей.

Джеймс Уайли, Чикаго, март 1994 г.

Сознание в состоянии инфляции всегда эгоцентрично и не осознает ничего кроме собственного существования Оно загипнотизировано самим собой и поэтому не может быть оспорено. Оно неизбежно обрекает себя на беды, грозящие уничтожением.

К.Г.Юнг. Психология и алхимия.

Мужчины, противящиеся серьезным раздумьям, касающимся натурализации и инфляции патриархальных предрассудков относительно собственного превосходства, относятся к психологическому приапическому типу.

Юджин Моник. Фаллос - священный образ мужского

Введение

Собираясь повесить на окна шторы, мужчина среднего возраста залез на окно и внезапно убедился, что может стоять в полный рост в его проеме, который он до этого тщательно измерял. Результат показывал, что рама имеет в высоту 66 дюймов или 5 футов и 6 дюймов. По меньшей мере это было неприятным сюрпризом, поскольку с некоторых зрелых пор мужчина был уверен, что его рост 68 дюймов. Стремясь понять, как же он мог более 30 лет неправильно оценивать свой рост, этот человек вспомнил как пришел к подобному преувеличению. Будучи взрослым человеком, он попросту сравнивал себя с двумя другими мужчинами, которых знал лучше всего: со своим дедом, рост которого, как считалось, был 5 футов и 7 дюймов, и по сравнении с которым он был немного выше, и с отцом, в сравнении с которым он оказывался несколько ниже, чей рост, как утверждал отец, был 5 футов и 9 дюймов.

Так как различия в росте, вероятно, были правильными, то оконная рама и продемонстрировала наличие инфляции в районе двух дюймов. Не только этот мужчина пронес через всю свою взрослую жизнь уверенность, что он на два дюйма выше, чем на самом деле, но и его дед и отец, очевидно, думали точно также.

Поразмыслив над всем этим, можно понять, что все трое мужчин выросли с культурными представлениями, согласно которым, чем выше, больше, тяжелее и сильнее мужчина, тем большей мужественностью он обладает. И если подобные представления приводят к игнорированию столь фундаментального личного начала, каковым является собственный рост человека, то мы можем задать себе вопрос, что же еще в нашей коллективной культуре было искажено в силу этой явной потребности усилить природу и увеличить размеры мужского. Разрушительная озабоченность современных мужчин потребностью во все большей и большей власти, бесконечное соревнование, machismo ("самчество" от macho - исп. "самец") и насилие выступают как один из важных результатов инфляционного процесса.

Но при всем при том непомерно большой, "инфляционный" phallus остается физиологическим инструментом мужского созидания. В этом смысле он создает метафору для мужественности с тех самых пор как человечество сделалось способным к метафорическому мышлению. Инфляция - это процесс, который существенен для функционирования мужского, и в своей основе это вовсе не патологичный феномен. Поэтому ее неотделимость от того, что мы называем мужским, является и причиной той легкости, с которой современные мужчины поддаются ее деструктивному воздействию.

Phallos - это название, используемое Евг.Моник и другими авторами, для уточнения данной концепции. Рассуждения Моник об этом показывают неотделимость инфляции от достижения творческой автономности мужчинами (Monick Eugene. Phallos: Sacred Image of Masculine. Toronto, 1987).

В данной работе наша главная задача в основном будет заключаться в рассмотрении деструктивного аспекта инфляции. Целью книги является продемонстрировать этиологию разрушительной инфляции мужского и предложить ту установку (аттитюд), которая поможет ее преодолеть.

Чтобы достичь этого, необходимо свободно передвигаться между областью физиологии и пространством воображения, фактом и метафорой, психологией и мифологией, все время оставаясь при допущении, что за всем этим лежит архетипическая основа, для которой все прочие вещи действуют лишь как метафора, которые в свою очередь могут быть узнаны лишь через свое метафорическое образное воплощение. Эмпирические данные, представленные на коллективном уровне мифами и другими культурными феноменами, а на индивидуальном - снами современных мужчин, проходящими курс психоанализа, дают нам те образы, на которых и будет базироваться моя аргументация.

Архетип, о котором идет речь.впервые появляется еще в античной культуре в виде фигуры Приапа - бога с огромными гениталиями. Его появление и осознание необходимости иметь с ним дело в культурном восприятии представляет собой феномен, определяющий границы данного исследования.

Приап оказался относительно поздним приобретением античного религиозного сознания. Обширные доказательства существования этого культа сохранились в Древнем Риме , начиная лишь с эпохи Августина, в греческих же государствах его кульп не обнаруживается до времени Македонского господства ("Ed. Trip, The Meridian Handbook of Classical Mythology, p.497.). Это должно, вероятно, означать, что в античном психорелигиозном сознании произошел своего рода сдвиг, который и создал потребность в том, в чем раньше не было необходимости, а именно, потребность в образе бога с невероятно большим фаллосом.

Если появление образа подобного бога можно сравнить с осознанием некоторого психического содержания, которое может быть отделено или отщеплено от своего носителя, тогда такое появление можно оценить как символическое, то есть, как изменение в способе осознания культурой той архетипической основы, на которой она базируется. С этой точки зрения античная культура нуждалась в образе Приапа для реинтеграции той части мужественности, которая оказалась от нее отщепленной.

Так, если отщепление бессознательных содержаний приводит к их способности действовать самостоятельно в окружающем мире, как это показано в юнгианской психологии (См эмпирические данные Юнга, показывающие существование и автономность психологических комплексов, особенно "Исследование словесных ассоциаций" во втором томе его Collected Works (Собрания сочинений) "Экспериментальные исследования" CW 2 (далее все ссылки, относящиеся к Собранию сочинений К Г Юнга обозначены как CW)), то отщепление инфляционно-творческой стороны мужского будет являться причиной его самостоятельного поведения до тех пор, пока оно не привлечет внимание сознания Здесь мы должны быть особенно осторожны, помня, что рассматриваем не подавление мужского в целом, а подавление осознания лишь специфической его части Сам результат может рассматриваться как психологическое искажение, в котором фаллический аспект мужского отделен от своего целого Оставшаяся же в сознании часть обязательно стремится к экспансии, то есть становится инфляционированной Но тем не менее, это фрагмент и искажение мужского в целом Лицемерная инфляция обетов некоторых христианских

священников, с их оправдывающим безуспешным отречением от сексуальных побуждений, является хорошим примером такого процесса.

Здесь мы могли бы утверждать, что инфляция и маскулинность неотделимы друг от друга Но инфляция, скорее всего, - это характеристика фаллического, и в этом заключается ее творческий характер Когда фаллическое отделено и недосягаемо, оставшаяся часть подвергается инфляции Именно такая опасная инфляция и является предметом нашего исследования

Когда происходит отщепление, то можно ожидать, что приапический комплекс потребует реинтеграции Это происходит благодаря разрушению инфляционной эго-позиции, которая, по-видимому, сопровождает само отщепление Подобное происходит как с отдельными индивидами, так и с самими культурами Обнаружение вышеупомянутым мужчиной инфляции на два дюйма в собственном росте было невозможно проигнорировать На культурном же уровне фаллос будет представлять себя в виде божества, требующего реинтеграции, как это делает Приап Я склонен предположить, что разрушительная психологическая инфляция, являющаяся предметом обсуждения в данной книге, оказывается результатом современного, всекультурного отщепления данного приапического архетипа и простирающегося из него требования внимания и осознанной реинтеграции. Нечто похожее происходило и в античное время. Античная мифология предоставляет в наше распоряжение метафоры, которые, если рассмотреть их с точки зрения глубинной психологии, покажут нам способы борьбы с этим опасным явлением как для культуры в целом, так и для отдельного человека.

Вначале было бы полезно определить некоторые понятия Предметом нашего исследования является инфляция, поэтому необходимо ясно представлять, что же она обозначает. Карл Юнг часто ссылается на эго-инфляцию, представляющую собой неизбежный результат ассилияции эго бессознательных содержаний

"Присоединение более глубоких слоев бессознательного, которые я назвал коллективным бессознательным, является причиной возрастания личности, ведущему к состоянию инфляции Такое положение достигается простым продолжением аналитической работы Осуществляя анализ, мы добавляем к личностному сознанию некоторые фундаментальные, всеобщие и безличностные характеристики человеческого рода, приводя, таким образом, к вышеописанной инфляции Последняя может рассматриваться как одно из неприятных последствий становления более полной сознательности" (Two essays on Analytical Psychology, CW 7, par 243, см также Юнг К.Г. Психология бессознательного М Канон, 1994, с 139 и далее)

И дальше:

"Большая психическая опасность, всегда связанная с индивидуацией или развитием Самости, заключается в идентификации эго-сознания с Самостью Это приводит к инфляции, угрожающей эго-сознанию распадом" (, The Archetypes and the Collective Unconscious, CW 9i, par 254 Русский пер см К Г Юнг Душа и миф Киев, Port-Royal, 1996, с 285)

В "Исследованиях феноменологии Самости" (CW 9i) и в других работах Юнг называет данный вид инфляции результатом ассилияции эго Самостью(, Аюп, CW 9n, par 45) Это не тот вид инфляции, который будет обсуждаться в данной книге. Наша задача связана как раз, наоборот, с инфляцией, вызванной противоположным процессом. Юнг называл это ассилиацией Самости эго(м), здесь это ассилирует Самость. Он описывает это следующим образом: "Хотя этот процесс совершенно противоположен тому, который мы только что описали, он приводит к сходному результату, другими словами, к инфляции Мир сознания должен быть уравнен в пользу реальности бессознательного В первом случае реальность должна быть защищена от архаических, "вечных" и "повсеместных" грезоподобных состояний, во втором, - пространство для сна должно быть отведено за счет мира сознания. В первом случае налицо мобилизация всех добродетелей, во втором -

самонадеянность этого может быть притушена только в результате морального поражения. Это необходимо, поскольку иначе никогда не достичь того среднего уровня умеренности и сдержанности, которые существенно нужны для поддержания состояния равновесия. Вопрос не в ослаблении самого моралитета, как можно было бы подумать, но в приложении моральных усилий в другом направлении. Например, недостаточно сознательный мужчина должен постоянно предпринимать моральные усилия, чтобы оставаться на должной высоте. Тогда как для того, кто достаточно укоренен в мире посредством собственных усилий, нет никакой особой заслуги в нанесении удара по своим добродетелям, в потере известной связи с окружающим миром и в ослаблении своего адаптивного поведения". (, Аюп, CW 9n, par 47)

Поэтому, говоря об инфляции, я имею в виду возрастание этого, причиной которого является присвоение этого функций Самости, за исключением тех случаев, когда это понятие определяется иначе.

Пример инфляции подобного типа можно найти в своего рода эго-психологии, предполагающей, что эго само может ставить цели и управлять жизнью, не взирая на бессознательные процессы. Обратной крайностью, по утверждению Юнга, будет отказ от эго в пользу бессознательного, представленного в виде грандиозного религиозного порабощения, часто встречающегося среди посвященных и преданных членов так называемых религиозных культов.

Другим термином, по отношению к которому следует четко определиться, является фаллос. В широком смысле, под фаллосом имеется в виду все то, к чему может быть отнесен символ фаллоса (phallus). Юнг рассматривал его как основу символа либидо.

"Фаллический символ, - писал Юнг, - обозначает не сексуальный орган, а либидо: хотя, несомненно, встречается и в таком значении, он не означает самого себя, а всегда выступает как символ либидо". (Symbols of Transfonnation, CW 5, par 329.)

Либидо энергизирует и вдохновляет (оживает) подобно тому как сперма оплодотворяет яйцеклетку, и то, что оно возбуждает (питает энергией) является его психологической противоположностью: материнским потенциалом, маткой. Как указывал Юнг: "Мать" - это архетип, который относится к месту зачатия, к природе... Он также обозначает и бессознательное, нашу естественную и инстинктивную жизнь, физиологическую сферу, тело, в котором мы живем или в которое мы заключены; так как "мать" - это также и матка, полая форма, сосуд, который вынашивает и кормит, и таким образом, он (архетип) психологически стоит у истоков сознания".

(В дальнейшем в этой работе мы будем использовать написание ФАЛЛОС в русской транскрипции, в то время, как за phallus оставим его латинское написание.)

Именно поэтому под термином phallos имеется в виду энергия, с помощью которой можно мобилизовать индивидуальность, которая существует в психическом как матка, как "пустая форма", с тем, чтобы отделить чью-либо самость от коллективного. Это, вне всяких сомнений, уникально для мужчин. Требует доказательств точка зрения, что функция анимуса или внутреннего мужчины в женщине, как полагает Юнг, может во многом соответствовать той функции фаллоса, которую мы здесь рассматриваем.

Но в данном случае речь идет о мужчинах. Для них фаллос - это энергия, с помощью которой происходит процесс созидания, и хотя в подобном творческом процессе не создается ничего нового, тем не менее фаллос дает жизнь тому, что имплицитно заключено в космосе или в психическом. Мифически эта энергия представлена громовым ударом Зевса или стрелами Эроса, или жезлом Аарона. Поэтому первым мужским творением оказывается необходимость осознать самого себя (всегда потенциально существующее, оно изначально неведомо сознанию); творением, которое может противостоять нападкам и проекциям окружающей среды, без необходимости прибегать к грандиозным и нереалистичным состояниям и позам, то есть (иначе говоря) без обращения к инфляции.

Часть 1

Глава 1

Мифология Приапа

Отправной точкой для нас послужат истории о Приапе, имевшие хождение в Древней Греции и Риме, начиная примерно со второго века до нашей эры и до четвертого века нашей эры. Разбросанные и немногочисленные сами по себе, они содержат такие темы и ссылки, которые расходятся по всем направлениям, относящимся к содержанию классической мифологии в целом. Отслеживая разнообразные связи, можно получить богатый материал, состоящий из нескольких дополнительных историй. Позже мы еще не раз столкнемся с подобными разработками, когда будем рассматривать инфляцию с точки зрения клинического материала и различных феноменов культуры.

Согласно Пафсанию, Приап является ребенком Диониса и Афродиты (Pausanias Guide to Greece, vol 1, p374, см также Пафсаний Описание Эллады, т1) хотя в качестве его отца также упоминаются Адонис, Гермес и Пан, а в качестве матери - Хиона (Larousse Encyclopedia of Mythology, p 183) Гера то ли из ревности к Афродите, то ли в ярости от ее промискуитета, добилась того, чтобы Приап родился с огромными гениталиями В мифах иногда также упоминается большой живот и другие телесные несуразицы. Мать оставила его, и Приап воспитывался пастухами.(Kerenyi C , The Gods of the Greeks, p 176 т (Грейвс Р Мифы Древней Греции, с 52))

В двух историях Приап ассоциируется с ослом. Так, например, Роберт Грейвс (Robert Graves) цитирует Овидия:

"Однажды пьяный Приап попробовал обесчестить ее (Гестию), спящую, на сельском празднике. Там присутствовали все боги, которые уже так пресытились, что повалились спать. Однако в тот момент, когда Приап приготовился совершить свое черное дело, громко закричал осел, Гестия пробудилась, призвала на помощь богов, и Приап вынужден был в страхе бежать".

Эдвард Трип (Edward Trip) приводит другую точку зрения, согласно которой Приап вступает в спор с ослом, которому Дионис дал человеческий голос. Трип пишет: "История в целом лишь дает намек, но можно предположить, что Приап и осел (животное отличающееся своей эротической удалью) спорили об относительных размерах физических придатков, которые и служили предметом их особой гордости. Подобное хвастовство привело к спору, в котором бог выбрал самое наихудшее. Придя в ярость из-за поражения, Приап забил осла до смерти палкой. Дионис же обессмертил осла, поместив его на небеса как одну из двух звезд, называемых Ослами". (The Meridian Handbook of Classical Mythology, p.497.)

Керенни рассказывает нам, что, по всей видимости, Приап в конце концов сыскал некоторую благосклонность Геры, которая сделала его учителем танцев Ареса.(The Gods of the Greeks, p. 176.) Изображение Приапа обычно устанавливалось в парках и фруктовых садах, где тот "стоял во главе плодородных полей и садов, покровительствуя разведению пчел, ловле рыбы и мастерству создания вина".(Larousse Encyclopedia of Mythology, p. 184. f Funk and Wagnall's Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend, p.886.)

В книге Funk и Wagnall читаем: "В жертву ему приносились первые фрукты в хозяйстве"."")" Далее Грейвс пишет, что "Приап - садовник, не расстающийся с садовым ножом", а также известен как "обрезатель грушевого дерева" - священного дерева Геры.

Громадный половой орган Приапа помогает нам найти точку отсчета для психологической разработки этих историй. Его размер означает также, что мы должны учитывать и скрытый смысл фаллического преувеличения. Но в эти истории вовлечены и некоторые другие темы, каждая из которых развивается как своего рода метафора, приобретающая более важное значение позже, когда мы переведем мифы на психологический язык.

Начнем с происхождения, а именно, родословной Приапа.

Было бы очевидным отклонением в сторону развивать только тему Диониса как отца, ибо сама связь с экстатическим, инстинктивным: танцами, вином, природой и Паном - выступает как противоположность той стороне мужского, которую олицетворяет Аполлон: рассудочность, благоразумие, взвешенность, осмотрительность, дисциплина и так далее - и может быть в достаточной мере понята и без последнего. Приап был рожден инстинктивным физическим экстазом и сексуальностью со стороны матери. Поэтому, как считает Грейвс, единственной священной обязанностью Афродиты было творить любовь. (Там же, vol.1, p.70.)

Если же учесть, что наряду с Дионисом, отцовство Приапа приписывают Адонису и Гермесу, то можно обнаружить и кое-что еще: похоже на то, что Приап является плодом прекрасной, юношеской, даже женоподобной мужественности, хотя его несоразмерные гениталии компенсируют только еще нарождающуюся мужественность, благодаря которой Афродита без ума влюбилась в его отца. Так что роль Геры в "уродовании" Приапа можно рассматривать как попытку восстановить своего рода баланс в чувственной привязанности Афродиты; за видимостью возмездия из чувства ревности скрывается своего рода компенсаторная интрига.

С учетом полученного Приапом наследства можно понять, почему из всех богинь он попытался изнасиловать именно Гестию. Ведь Гестия считалась девственной покровительницей домашнего очага и семейной жизни. В некотором смысле именно мира и покоя семейной жизни и было лишено детство Приапа, так как мать от него отказалась. Его мать, отъявленная совратительница, по-видимому, поняла, что преуспеть в роли матери не так-то легко, - наши дни полны схожих примеров - как следствие не удивительно, что подобно любому, пережившему оставленность матерью, Приап испытывал гнев по поводу своей утраты.

Кроме этого, являясь детищем Диониса и Афродиты, Приап воплощает в себе союз двух сил, известных своими разрушительными воздействиями на стабильность и спокойствие в доме и семье, содержащих в себе угрозу распада при кажущемся стремлении к объединению и установлению взаимоотносительного понимания.

Но почему же животным, выдавшим намерение Приапа изнасиловать Гестию - можно сказать, подтвердить свое начало - оказался осел, с которым Приап по традиции ассоциируется?

Думаю, что ряд ассоциаций в работе Грейвса объясняет это, так как приводит нас к теме кастрации, которая на протяжении всего нашего исследования выступает как противоположность приапическому и как конкретизация отщепления фаллического Грейвс считает, что дикий осел олицетворяет дух пустынного ветра, сирокко, известного как "дыхание Дикого Осла, или Тифона приносящего дурные сны, убийственные наклонности и жажду изнасилования" (Там же, p 133)

Грейвс далее говорит, что

"бог Сет, дыханием которого, как считалось, является Тифон [сирокко], искалечил Озириса" (Там же, p 71 + Там же, p 252) И расчленение Озириса в конечном итоге обернулось необратимой

утратой его пениса, единственного из четырнадцати фрагментов, на которые он был расчленен, - только пенис богиня Изидра не смогла обнаружить и восстановить на место"

И это не единственная мифическая "дорога", ведущая от Приапа к теме кастрации Другой путь, как можно было бы догадаться, был открыт в предназначении Приапа, как "обрезателя грушевого дерева" Снова цитирую Грейвса

"Фаллическими символами, посвященными Приапу, часто служили деревянные колонны, деревья Груша считалась священным деревом Геры как верховной богини Пелопоннеса", и "наиболее древний образ богини смерти Геры в Негеум в Микенах был сделан из дерева груши"

Грейвс также указывает на то, что "Апис происходит от *apios*, гомеровского прилагательного, обозначающего "отдаленный" только в случаях, когда речь идет о Пелопоннессе, во всех других же случаях обозначающего грушевое дерево (*Aeschylus, Suppliants*, 262)". В переводе с латинского *apis* обозначает пчелу, и для латинянина Пелопоннес, - место обитания Геры, - обычно ассоциировался с пчелами, королевой которых и почиталась Гера. Существовали ритуалы, посвященные Кибеле, широко практиковавшиеся в Риме в первые века нашей эры. Римляне верили, что Кибела - жена Сатурна, который оскопил Урана. Эти ритуалы берут свое начало от гибели священного царя от рук Афродиты Урании.

Царь (*Rex Sactorum*) "сочетался с ней браком на вершине горы. Будучи королевой пчел, она уничтожила трутня, вырвав его половые органы. С тех пор существует поклонение Кибеле, фригийской Афродите горы Ида как королеве пчел, и жрецы совершают в экстазе акт самооскопления в память о ее любовнике Аттисе".

Кастрация, таким образом, тема, имеющая прямое отношение к Приапу, и следует всегда помнить, что его нож для обрезания несет в себе неявный символ оскопления. Кроме того, Аттис и связанная с ним тема самокастрации как результат безумной любви к гермафродичной матери-любовнице, имеют скрытое значение, заслуживающее своего развития в отношении к некоторым формам современного гомосексуализма с его завороженностью фаллическими образами. (Интересно, что кровь из раны Аттиса превратилась в фиалки, которые выросли под сосновым деревом, под которым Аттис и поранил себя).(*The Gods Greeks*, p.90)

Именно цвет фиалок имеет длительную и устойчивую ассоциацию с гомосексуальной направленностью. Чтобы завершить поток мифологических ассоциаций, добавим еще некоторый материал, относящийся к теме дерева, и уже упоминавшийся в контексте деревянных фаллических образов Приапа и грушевого дерева, которое он обрезал. Установив ассоциацию с Великой Матерью Кибелой, можно использовать следующий отрывок из Юнга, чтобы объединить вместе разбираемую часть нашего материала: "...дерево жизни, есть материнский символ- Этимологическая связь указывает на слияние по смыслу скрытой за словами символики матери и зачатия. Под деревом жизни, очевидно, надо прежде всего разуметь плодоносное родословное дерево, то есть материнский образ. Многочисленные мифы свидетельствуют о том, что люди будто бы происходят от деревьев; много мифов рассказывают о том, как герой скрывается в дереве-матери, - так, например, мертвый Озирис в кедровом столбе, Адонис - в миртовом дереве и т.д. Многочисленные женские божества почитались в образе деревьев, откуда произошел культ священных рощ и отдельных деревьев. Весьма прозрачно значение этого факта, что Аттис оскопляет самого себя под сосновой, - это явное указание на то, что он делает это ради матери.

Многочисленны и разнообразны примеры, когда богини почитали в образе дерева или части его. Так Юнона феспийская была древесным суком, Юнона Самосская - обшивной доской,

Юнона Аргосская воплощалась в виде деревянной колонны, Диана Карийская была "неотесанным куском дерева, линдская Афина - гладкой колонной. Тертуллиан называл Цереру из Фароса (грубым и бесформенным деревянным столбом без резьбы изображений). Атеней отмечал, что Латона Делосская была "аморфным (бесформенным) куском дерева". Тертуллиан также описывал и Аттическую Палладу, как (крестообразный столб или мачта). Лишенный листвы голый деревянный столб, как указывает само слово, составляет фаллическое значение".(Юнг К.Г. Либида, его метаморфозы и символы, СПб. 1994, с.223.)

Далее Юнг отмечает, что греческое слово phallos может обозначать "столб, ритуальный лингам, эмблему фаллического культа, вырезанную из фигового дерева". Римские статуи, изображающие Приапа, также изготавливались из фигового дерева. А phallos и phalanx (фаланга), обозначающая костный сустав - имеют общий корень(Там же.) Суставы руководят кастрацией, равно как и фаллическим самоуправлением, и когда мать и любовница Аттиса умоляла Зевса возвратить ему жизнь, то единственное, что тот смог оживить - это самый маленький сустав пальца, который продолжал действовать сам по себе. (Kerenyi The Gods of Greeks, p.90.)

Действительно, Юнг распространил корень phal на phallos, который, по его мнению, означает "яркий, светящийся". Он также отметил, что этот "индо-европейский корень означает - bhale, т.е., "переполняться, распухать, наливаться, расти, раздуваться". "Кто, - спрашивает Юнг, - не вспомнит при этом Фауста": "Он светится, сверкает, он сияет и растет в моей руке!" (Юнг, 1994, с.223.)

Юнговское ассоциативное усилие проясняет окружающий контекст, в котором проявляется двусмысленность фаустовских слов, цитируемых Юнгом в другом месте:

Мефистофель: Перед разлукой должен я сказать,
Что черта ты успел-таки узнать. Вот ключ.
Фауст: К чему мне эта вещь пустая?
Мефистофель: Возьми, взгляни: не осуждай, не зная.
Фауст: В руке растет, блестит, сверкает он.
Мефистофель: Теперь ты видишь, чем он одарен.
Ступай за ним, держи его сильнее
И к Матерям иди ты с ним смелее.

(Цит. по: Юнг К.Г. 1994, с. 127.).)

Для Юнга скрытый смысл этих слов заключается в том, что само фаллическое вводит нас в "царство матерей ... [которое] имеет достаточно связей с материнской утробой, с маткой, зачастую символизирующей созидательный аспект бессознательного".(Там же.)

В этом последнем наблюдении Юнг дал понять, что наше мифологическое пояснение работает в различных метафорах, демонстрирующих, что правильное отношение к фаллосу, по-видимому, приводит нас к коньюкции (*coniunctio*), созидающей встрече фаллоса и матки, мужского и женского. Отделение от фаллоса, - фактически, кастрации, - ведет к бесплодию, а также к очарованности *phallus'om*, который стремится к обретению себя вновь. Но сам поиск, естественно, возвеличивает значимость искомого объекта. И, по мере того, как ищущий утрачивает психологическое осознавание и путает конкретный символ и цель, его поиск становится бесконечным бесплодным фаллическимисканием, что рано или поздно приводит многих мужчин к психоаналитику.

Глава 2

Приап в классической литературе

Мифология, связанная с образом Приапа, представляет его как отделенный фаллос. Такое отделение - результат союза (объединения) между женским (Афродита, Кибела, Агдитис) и юношеским или женоподобным мужским (Дионис, Адонис, Аттис), которое не может привести в их взаимоотношения вполне сформировавшуюся фаллическую силу.* Этот специфический союз мужского и женского затем кастрируется; то есть он подавляет фаллос. И тогда фаллос приобретает автономную жизнь сам по себе как комплекс, символом которого и является Приап с его огромным пенисом.

Если Приап - бог, обретающий форму, когда внимание сконцентрировано на относительно нефаллической стороне мужского, то он выступает как некий компенсаторный феномен; и, поскольку он одновременно является собой и священное и преувеличенное, то несет в себе собственную контр-компенсацию - нож, с помощью которого можно обрезать дерево, придав ему здоровую форму. Таким образом, в фигуре Приапа заложено некоторое равновесие.

Но обычные смертные отличаются от богов и не имеют автоматического доступа к успешным компенсаторным механизмам. Человеческая компенсация склонна, в большей степени, устремляться к противоположной крайности, нежели к поддержанию равновесия. (По этому поводу можно даже поспорить, что подобное отсутствие непроизвольного уравновешивания является главной отличительной чертой богов по отношению к смертным). У обычных людей компенсация, по-видимому, успешно работает только тогда, когда она стала осознанной, а это требует инсайта и известного волевого усилия. Осознание психологически компенсаторных образов как раз и составляет цель юнгианского анализа.

Преувеличенно невыразительная по мужским качествам скульптура античных времен, возможно, является проявлением как раз такого идеала мужчины в поздней эллинистической и римской эстетике. Поэтому нельзя ожидать, что культура или индивид в дальнейшем превзойдут приапическую форму, - то есть маскулинность, в которой фаллический потенциал осознанно недооценивается, а бессознательно обожествляется - и выйдут к новому равновесию. Скорее, они - он или даже она (Petronius, Satyricon, p.xii.) - будут бросаться из одной крайности в другую, чередуя фазы опасной инфляции с убийственно избыточной упрощенностью и примитивностью, оставаясь в скрытом очаровании самого отрицаемого, фаллического, в каких бы формах оно ни пыталось предъявить себя для реинтеграции.

Наша следующая задача далее будет состоять в описании параллелей, к этой мифо-психологической ситуации на основе примеров, взятых, в первую очередь, из литературы, а затем уже из современного медицинского и психологического материала.

В рассматриваемый период (примерно с 100 г. до нашей эры до 200 г. нашей эры) нашего внимания заслуживают три документа: "Сатирикон" Петрония, "Золотой Осел" Апулея и собрание главным образом, анонимной латинской поэзии, известной как Приапейя или Кармина Приапейя. Рассмотрим их в вышеуказанном порядке.

Поскольку "Сатирикон" сохранился лишь в виде отдельных фрагментов, а также потому что его сатирическая форма делает затруднительным на таком временном расстоянии получение убедительных выводов о том, с чем же мы имеем дело, следует обращаться с ним весьма осторожно. Но основная сюжетная линия все же достаточно четко демонстрирует

фаллический поиск как раз самим типом предложенного в первой главе мифического материала.

Главный герой - Энколпий (что приблизительно означает - "развилина", "промежность" - явление одиссеи невоздержанности, а сам "Сатирикон" представляет сознательную пародию на гомеровский оригинал. Естественно, что Энколпий столь сильно напыщен (инфляционен): он пребывает в высочайшем мнении о себе как любовнике, распутнике, интригане и обманщике. Его образ жизни оскорбителен для Приапа, который делает Энколпия импотентом, создавая, таким образом, угрозу его самооценке и взаимоотношениям с его любовником Гитоном.

Так как мужчины не обладают монополией на силу влечения, то, следовательно, не только они подвержены инфляции. В терминах юнгианской психологии приапическая инфляция у женщин может быть описана как характеристика ее анимуса.

Гитон - раб, с внешней характеристикой, описываемой в романе, как "мальчик, шестнадцати лет, кудрявый, нежный и привлекательный". (Важно отметить, что принадлежность Гитона к мужскому полу вовсе не означает, что он или Энколпий являются гомосексуалистами в современном значении этого слова. Они относятся к обоим полам в том же самом духе, в котором Дон Жуан двадцатого века порхает от блондинок к брюнеткам и обратно.) Он олицетворяет тот вид мужского, который у большинства литературных персонажей, как мужчин так и женщин, почитается, как весьма привлекательный. Здесь же речь идет о том виде мужского, которое - в отщепленном виде - порождено Приапом. Это отщепление, как указывалось выше, и приводит к подобной остаточной инфляции.

Энколпий испытывает любые средства, чтобы избавиться от своей рецидивирующей импотенции, кроме одного - пожертвовать своей напыщенностью, претенциозностью. Естественно, ему ничего не помогает. Как результат, фаллический поиск создает канву для всех действий и событий в плутовском романе. По-видимому, Петроний вкладывает в это такой психологический смысл, что если подлинное взаимодействие с фаллосом отсутствует, то инфляция как раз и оказывается тем путем, по которому идет мужское, чтобы хоть как-то себя утвердить. Автор нашел множество примеров инфляции в своем окружении и достаточно полно использовал их в сатире на культуру своего времени. Непотребное излишество домашнего хозяйства Трималхиона и незадачливая поэзия Евмолпа, странствующего компаньона Энколпия, - лишь два примера из множества других.

На пиршестве, столь долгом, что приглашения рассыпались не на конкретное время, а на два дня, Трималхон разглагольствует о своих владениях на знакомом нам всем языке:

"Я теперь большой любитель серебра. У меня одних ведерных сосудов штук около ста. На них вычеканено, как Кассандра своих сыновей убивает: детки мертвенькие - просто как живые лежат. Потом есть у меня целая тысяча жертвенных чаш, оставленных моему патрону Муммием: а на них - Дедал Ниобею прячет в Троянском коне. Имеется у меня на бокалах и бой Петранта с Гермеротом: и все они претяжелые. Я знаток в таких вещах, и это мне дороже всего". (Цит. по: Античный плутовской роман. Л., 1991 с.39.)

А фрагмент из поэтического рассказа Евмолпа "Падение Трои" демонстрирует ту степень, до которой он напыщен в своих метафорах:

*"Но вот влекут по слову бога
Делосского Древья с Иды.
Вот под секирой падают
Стволы, из коих строят коня зловещего,
И, отворив во чреве полость тайную,
Скрывают в ней отряд мужей, разгневанных
Десятилетней войной.
Скрылись мрачные*

*В свой дар данайцы и затаили месть в душе.
О, родина!
Мы верим: все корабли ушли,
Земля от войн свободна.
Все нам твердят о том:
И надпись, что на коне железном вырезана,
И Синон, во лжи могучий на погибель нам. (Там же, с. 70.)*

В то же время, естественно, продолжается и поиск фаллоса. Энколпий мечется с места на место, от одного захара к другому, пытаясь восстановить свою потенцию. Здесь удивительно то, что Приап все время неумолим. В конце концов тем, кто возвращает потенцию Энколпию, оказывается Гермес.

Обсуждение этого важного момента необходимо отложить до тех пор, пока мы не будем располагать дополнительными фактами. Здесь же следует отметить, что длительные и бесполезные поиски Энколпием Приапа не так уж разнятся от длительных и также бесплодных поисков чувства мужской всесильности, которые можно наблюдать вочных барах и в конце XX века.

Перед тем, как подробно разобраться в том, почему Приап не вернул того, что отнял, обратимся к другим нашим документам. "Золотой Осел", по-видимому, представляет собой тот же вид поиска, но здесь он представлен совершенно по-иному.

О жизни Апулея известно немного, но достаточно для того, чтобы предположить, что в ней также присутствовали взаимоотношения между молодым и красивым мужчиной и зрелой женщиной, послужившие основой для рождения Приапа и необходимости фаллического поиска. Сам Апулей, красивый блондин, мог выглядеть довольно экзотично для мужчины в Северной Африке. Он женился, когда ему еще не было 29 лет, на 40-летней женщине Мария-Луиза фон Франц, интерпретируя эту историю, предположила, что у Апулея, по всей видимости, был положительный материнский комплекс: "Он был из тех мужчин, которые избегают борьбы со своей матерью, с целью высвободить собственную маскулинность. Они ищут спасения в гомосексуальности или в интеллектуальном образе жизни, (Часть гомосексуальной поэзии Апулея сохранилась Нет полной уверенности в том, что в культуре его времени гомосексуализм был предметом каких-либо обсуждений, - в том смысле, как это делает фон Франц, - поскольку он практиковался достаточно широко и не составлял повода для рефлексии) достигая тем самым исключения женского принципа; как человек, обладавший достаточной долей предприимчивости, он, тем не менее, не мог воплотить свои начинания в жизнь, не смог и преодолеть свою борьбу против материнского принципа. Сам роман и есть тот своеобразный способ, которым Апулей наверстывает то, что ему не удалось в других начинаниях". (M - L von Franz A psychological Interpretation of the Golden Ass of Apuleius 1980, p 20)

Главный герой Апулея - Луций, предстает перед нами как весьма напыщенный молодой человек, соблазняющий Фотиду, служанку колдуны, пользующейся дурной славой. Он уговорил ее позволить ему подсмотреть, как ее хозяйка, Памфила, колдовским образом превращается в сову. Естественно, что он пытается испробовать те же самые чары и на себе, но тут происходит путаница, и вместо совы Луций превращается в осла.

Внешний вид Луция до и после превращения достаточно точно демонстрирует нам юношеское расщепление Диониса/Приапа. Когда Луций встречает свою старую няню Биррену, служившую ему еще до превращения, та узнает его только благодаря сильному сходству с его матерью, Сальвией: "...благородная честность покойной Сальвии, матери, и правильная пропорциональность тела, соразмерный рост, стройность без худобы, умеренная красота в лице, светлые от природы выющиеся волосы, глаза голубые, но зоркие, орлиный

взгляд, смягченный нежностью, очаровательная и свободная поступь!" (Цит. по: Апулей. Метаморфозы и другие сочинения. М., 1988, с. 126)

Но после превращения в центре внимания оказывается, собственно, приапическое: "... волосы мои (на руках) утолщаются до шерсти, нежность кожи моей грубеет до шкуры, да на конечностях моих все пальцы, потеряв разделение, соединяются в одно копыто, да из конца спинного хребта вырастает большой хвост. Уж лицо огромно, рот до ушей, и ноздри открылись, и губы висят, к тому же и уши несоразмерно вытягиваются вверху, покрытые шерстью. И ничего утешительного в злостном превращении моем я не видел, если не считать того, что мужское естество мое увеличилось, хотя я и был лишен возможности обладать Фотидой".(Там же, с. 155)

В таком унизительном виде он прошел через ряд фантастических, часто носящих сексуальный оттенок приключений. Из этого, по-видимому, следует, что Луций в образе осла олицетворяет психологическое отделение фаллической энергии героя повествования Апулея, и, что сам роман представляет поиск воссоединения. И вновь все завершается не самим фаллическим богом, а в данном случае, богиней Изидой, которой, в конечном счете и посвящает себя целиком Луций. Таким образом, фаллический поиск превращается в своего рода бессознательную побочную сюжетную линию в соотношении с сознательным поиском Луцием магической силы, которая, так сказать, выступает как поиск эгоудовлетворения путем инфляции.

Нам никогда не удастся узнать, насколько сам Апулей осознавал то, о чем он писал, или где он находился в своем собственном психо-религиозном путешествии (он был посвящен в некоторые тайные культуры), когда описывал это. Но фаллический поиск мужчины, изначально застрявшего в психологической юности, явно прослеживается в виде психологического фундамента самой работы.

"Приапей" - это собрание латинских эпиграмм и стихотворений, посвященных Приапу, составленное неизвестным редактором, который сам, по-видимому, написал первое, вступительное стихотворение", - писал один из первых переводчиков Митчел Бак (Mitchel S.Buck) ("Приапей", введение, страницы не пронумерованы). Ниже приводится отрывок из его короткого вступления, так как в нем хорошо описано это пока еще слишком слабо освещенное произведение: "Неясно, насколько широко распространялись или передавались многие из этих стихотворений. Несомненно, что значительная их часть была собрана, благодаря фольклорной связи с образом бога Приапа и сохранившимся начертаниям на его статуях. Некоторые выходят за рамки сюжета и, по всей вероятности, являются легкомысленным дополнением более позднего периода. III поэма взята из Овидия, LXXXII и LXXXIII - написаны Тибуллом, а авторство трех последних приписывается либо Виргилию, либо Катуллу. Авторство же всех остальных стихотворений неизвестно.

Хотя в них и ощущается некоторый недостаток той простоты и строгости, которая была присуща древним грекам, тем не менее, в стихах Приап по-прежнему представлен как покровитель садов, и в общем, хотя и с необязательностью, как деревенское божество. Статуи, посвященные Приапу, обычно изготавливались из дерева, с основанием, весьма схожим с герметическим постаментом - гермой. Возможно, что в дополнение к своему прямому назначению, они часто служили тем же целям, что и огородное "пугало" а иногда и как вешалка для крестьянской косы.

Основное же назначение статуи или алтаря, находящихся среди обилия фруктов и овощей, - это, конечно же, воздать молитвенное благословение приапическим атрибутам и символам плодородия произрастающим плодам. Данный атрибут, имеющий определенную связь с принципом воспроизводства, нашел свое место в большинстве греческих мистерий - тайнств - которые узнавались, буквально, благодаря присутствию phallus'a огромных размеров. В

более поздний период, такой "телесный знак" неизбежно вызывал веселье и отношение к себе, как к средству наказания воров. Тема последнего проходит через всю антологию. Примечательно, что в большинстве стихотворений совершенно отсутствует предсказание или прорицание по поводу чего-либо, кроме совершенно очевидных вещей.

Характер юмора данного произведения, как уже отмечалось, носит явно мужской и раблезианский характер, а сама книга полна иронии и сатиры. Именно в этом смысле Приапейя является классическим источником, играющим значительную роль в истории культуры". (Там же.)

До недавнего времени Приапейя была совершенно недоступной. Английский перевод книги, сделанный Баком в 1937 году, был издан частным образом тиражом в 150 экземпляров. Появившееся же в последние годы вполне научное издание Паркера (в 1988 году) дало, наконец, возможность познакомиться как с латинским текстом, так и с новым переводом Паркера. (*Priapeia: Poems for a Phallic God*)

Новая (Паркеровская) версия радикально отличается от перевода, сделанного Баком, но, с другой стороны, вовсе не облегчает задачу психологически ориентированного читателя, так как "лаконичная изысканность оригинала", на которую ссылается один из критиков данного перевода, (Hugh Lloyd-Jones, , in *New York Review*, Nov. 10, 1988, p. 23.) по-видимому, была безвозвратно утеряна среди грубых ассоциаций, неотделимых от сексуального словаря английского языка. Из этого следует, что вдумчивый читатель должен очень осторожно приступать к его изучению. Тем не менее, стихотворения эти дают нам ценный материал для понимания того места, которое Приап занимает в античной Римской культуре.

Здесь мы приводим два стихотворения из Приапейи. Одно из них дано в переводе Паркера, другое - в переводе Бака. (На русский язык оба отрывка переведены петербургским поэтом Виктором Кривулиным - - прим. russk. ред.).

*Hey, you, who the temptation can hardly withstand
Upon our rich orxhard to lay a deft hand;
This watchman'll go in and out your back door
With gusto until you can't stand any more;
Two more will come afterwards, from either side,
With beautiful penises richly supplied,
And they'll set to work, and dig deeper in;
An ass with huge member on you'll then begin.*

*It surely makes sense not to play any tricks,
When it means being punished by so many pricks!
(*Priapeia*, trans. Parker, p. 151.)*

Эй ты, кому так трудно устоять
Над садом яблоневым, брошенным в кровать,
Чей страж, проникнув через заднюю калитку,
Налившись соком, полный преизбытка,
Выходит сквозь парадные ворота

С прекрасными орудьями Эрота,
Все эти пенисы, дрожа от нетерпенья,
Вопьются в жсопу, словно пчелы.
Наслажденье
От множества работающих членов
Пусть изнурительно, зато оно священно!

*This stupid mentule does not grow in length
As once it did, nor stand with proper strength,
Although by hands assisted. Woe is me.
For passionate girls, it's a catastrophe
Of tiny uselessness. This strange new shame
And damage will disgust them with my game.*

*Of much more use, Tydeus was, if Homer's tale is true,
Who, small in body, had a nature nothing could subdue.
(Priapeia, trans. Buck, No. LXXX (страницы не нумерованы))*

*Дурак, ты не становишься длиннее,
Не помогают даже руки змею
Восстать, нальться силою, как раны...
Для расплетенных девок ты - обманщик,
Беспомощный малыш.
Сгореть им со стыда
И отвращения! Не лучше ли тогда
Быть как Тидей, хотя и малый ростом,
Но взявшись мужеством и царским первородством.*

Через все собрание постоянно прослеживается обращение к образу Приапа, которое можно считать общераспространенным в римской культуре того времени. Приап делает природу плодородной, если ему приносят жертвы. Если же его не почитают должным образом, он может и покинуть людей. В результате это может привести к неплодородию, потерянным урожаям и даже импотенции. Приап угрожает также и изнасилованием. Само почитание Приапа осуществляется особым образом: созданием скульптурных изображений и установлением гермоподобных образов, под которыми необходимо принесение жертвы.

Главное здесь то, что эти сознательные акты жертвоприношения конкретному фаллическому образу, в значительной степени отличаются от грубых и бесплодных фаллических поисков Энколпия и Луция. В подобных жертвоприношениях олицетворяется рационализация простого признания и почитания, рационализация, используемая бесчисленными эго-удовлетворяющими видами и способами. В действительности, жертвенная установка значительно ближе к тому виду осознанного понимания психологических фактов, которое воспитывается современным юнгианским анализом, чем установка на эго-инфляцию XX века.*

Точно такая же установка присутствует и в фаллических украшениях, и статуях, обнаруженных в развалинах Помпеи и Геркуланума. Примеры этих необычных художественных произведений приведены на последующих страницах в этой книге. Подобные образы обычно цитируются как свидетельство распущенности и похотливости (бездуховности) римской культуры первого века нашей эры. Но, если рассматривать их с точки зрения отношения к фаллическому, обнаруженному в "Приапей" (собственно, а почему они должны не быть?), они не столь уж чувственно-похотливы; скорее, это не похотливость, а осознание - порой даже интуитивное - той психологической истины, к которой они так стремятся. (Это могло бы означать, что некоторые современные представления о сексуальных установках античного Рима могут попросту оказаться проекциями того, что наша культура в себе даже и не замечает).

Теперь, на основе вышеизложенного, мы можем вернуться к вопросу, почему Приап не вернул назад то, что до этого сам же и отнял, то есть не восстановил то, что обрезал (pruning). Если вернуться обратно к его родителям, то можно обнаружить, что для

Установка на принесение жертв фаллическому богообразу, конечно, очень распространена в восточных религиях Христианство сделало все возможное, чтобы искоренить это в Европе, но, как видим, не до конца, поскольку отчасти это все же сохранилось почти до наших дней в некоторых отдаленных местах. Например, сэр Вильям Гамильтон наблюдал подобные обряды, направленные, очевидно, на восстановление или усиление мужской потенции в Изернии, недалеко от Неаполя в 1780 году Описание этих обрядов было опубликовано Richard Payne Knight в книге "Трактат о поклонении Приапу" Но ни Knight, ни Wnght, опубликовавший сопроводительную статью к этому изданию в 1865 году, очевидно, не заметили никакой связи между Приапом и психологической инфляцией

В 1913 году Герман Роршах (Rorschach) производил опрос членов швейцарской секты поклонения фаллосу Но он не завершил свое исследование Сохранившиеся фрагменты (Gesammelte Aufsatze, не переведено) обобщены Элленбергером (Непп Ellenberger) в статье "Жизнь и работа Г Роршаха". Представляется, что обнаруженное им по своей религиозной функции совершенно непохоже на тот вид принесения жертв Приапу, который мы в данном случае рассматриваем :ала восстановление потенции было бы действием по восстановлению бессознательного, иными словами, зацикленного на сво[матери юношеского бессознательного, бессознательного отнюдь не своего фаллического потенциала и завершенности.

Стремление к этому приятному состоянию юношеской и девственной инфляции - счастливое могущество Энколпия или "жденность Луция в том, что он может стать сверхчеловеком с помощью магии, - в общем понятно, и оно повторяется всякий раз, когда анализанд выражает подобное желание, чтобы терапия восстановила прежнее минувшее счастье, которое основывалось на преувеличенной (инфляционной) эго-позиции. Но это невозможно, также как невозможно преднамеренным образом воссоздать былое состояние бессознательного. Незаживающие раны, которые приводят человека к психоаналитику, не могут быть уничтожены просто так, поскольку они являются результатом столкновения с окружающей действительностью.

Новая реальность требует и новой, более сознательной адаптации. Это означает, что необходимо привлечь средства или возможности другого божества. Другими словами, фаллический Цоиск, по-видимому, является поиском путей восстановления бессознательного, и поэтому с самого начала обречен на поражение вализ(?) же должен привести к отказу от подобных исканий, с тем, чтобы "другие боги" - до сих пор дремлющие бессознательные (ютенциальные возможности - могли бы вступить в дело, в результате чего могла бы быть выработана и новая адаптация к изменявшимся жизненным условиям.

Видимо, также следует понимать и сцену восстановления в finale Сатирикона. В этом месте текст особенно фрагментарен в сцене не хватает контекста. Тем не менее понятно, что происходит на самом деле: Энколпий: - Великие боги, восстановившие все мои силы! Да, Меркурий, который сопровождает в Тартар (Аид) и выводит оттуда души людей, по милости своей возвратил мне то, что было отнято у меня гневной рукой Теберь ты легко можешь убедиться, что я неотразимее Протесилая (героя Трои) и любого из всех остальных героев древности. С этими словами я задрал кверху тунику и показал себя Эвмолпу во всеоружии. Сначала он даже ужаснулся, а потом, желая окончательно убедиться, обеими руками ощупал дар благодати. *

*Античный плутовской роман. Петроний, с. 132-133"

Очевидно, что Энколпий испытывает по отношению к своему исцелению все, кроме скромной застенчивости, и если эту сцену рассматривать на основе всего того, что мы знаем о Приапе, то Энколпий здесь готовит почву для очередного столкновения со своим богом.

В "Золотом Осле" восстановление Луция описано более полно. В образе осла, он, естественно, терпит своего рода унижение и затянувшуюся утрату собственной личности. С ним обращались донельзя плохо, да к тому же он еще был вынужден беспомощно наблюдать то, как дурно обращаются и с другими. Поначалу, про себя, он горько оплакивал свою судьбу, но постепенно смирился с этим и, таким образом, превратился в более послушного осла, а впоследствии в довольно-таки изобретательного. В результате с ним стали обращаться более человечно.

В конечном счете Луций увидел сон с участием богини Изиды, которая сообщила ему, что он должен принять участие в церемониальной процессии, устраиваемой в ее честь. Один из

священников в этой процессии, также видевший подобный сон, узнал, что если накормить осла розами, тот снова превратится в Луция-человека.

Однако, он не станет прежним Луцием. Теперь ему предстоит сделаться новопосвященным в качестве жреца (священнослужителя) богини Изиды, включая принесение денежных пожертвований и следование строгому образу жизни, совершенно не похожему на тот, который он вел прежде. Жрец Изиды объясняет ему: "Вот, Луций, после стольких несчастий, воздвигаемых судьбою, претерпев столько гроз, достиг наконец ты спокойной пристани, алтарей милостивых. Не впрок пошло тебе ни происхождение, ни положение, ни даже самая наука, потому что ты, сделавшись по странности своего молодого возраста рабом сладострастия, получил роковое возмездие за неуместное любопытство. Но слепая судьба, мучая тебя худшими опасностями, сама того не зная, привела к настоящему блаженству ... Чтобы быть еще в большей безопасности и охране, запишишь в ряды святого воинства, к чему ты и был недавно призываем, посвяти себя уже отныне нашему служению и наложи на себя ярмо добровольного подчинения. Начав служить богине, тем большим обретешь плод своей свободы".*

* Апулей, с.293.

По-видимому, это подтверждает точку зрения Юнга и Гете, рассматривавшуюся в первой главе, которая заключается в том, что осознанные взаимоотношения с фаллосом ведут к творческому (созидальному) союзу с безличным женским - *coniunctio* (конъюнкции), оказывающейся трансформативной: увиденная во сне Извда привела к преображению осла в человека. Созидательный потенциал такого союза привел Луция к еще двум религиозным посвящениям, дальнейшим психо-религиозным трансформациям и даже к успеху на деловом поприще, так как в итоге Луций открыл прибыльное дело в Риме.**

** Там же с.301.

Можно с уверенностью предположить, что установка фаллического сознания, прослеженная в "Приапейе" и продиктованная окружением, включающим фаллическую поэзию, образы, резьбу по дереву и жертвоприношения, с любой стороны приведет нас к одному и тому же, потому что, в конце концов, именно осознание и принятие своей приапической формы дало Луцию возможность преобразующей встречи с богиней Изидой - Луций вновь стал человеком.

Говоря о такого рода взаимоотношениях мужского и женского, о подобном созидальном союзе, мы имеем в виду архетип родительской пары. Сознательное подчинение приапическому в некогда напыщенной инфляционной юности трансформируется впоследствии в том смысле, что позволяет мужчине действовать творчески и созидательно уже в роли отца.

Глава 3

Приап в истории XX века

Рассмотрим еще одно литературное произведение, которое должно помочь нам перенести мифологический материал из античных времен в современность. Обратимся к новелле Томаса Манна "Смерть в Венеции". В данной главе будут приводиться разные цитаты из этого романа, так как в нем можно найти миф о рождении Приапа, перенесенный в Европу XX века в неискаженном виде. Но в наши дни из него следуют совершенно другие выводы.

В отличии от Луция и (возможно) Энколпия, герой Манна - Густав фон Ашенбах - не получает никакого жеста (значимого действия) относительно восстановления фаллоса. В его ситуации или установке должно быть что-то, что предохраняет миф о Приапе от достижения его предполагаемого разрешения. Поэтому нам необходимо рассмотреть, что же это может быть такое, если мы собираемся сказать нечто полезное для современных мужчин, попавших в сети этого комплекса.

Когда мы встречаем Ашенбаха, он описывается как человек, постоянно сталкивающийся с некоторыми затруднениями по отношению к собственной репутации: "Поелику Ашенбах всем своим существом стремился к славе, он, отнюдь не отличаясь особой скороспелостью, сумел благодаря характерному, очень индивидуальному чекану своего письма рано занять видное общественное положение. Имя себе он составил еще будучи гимназистом, а через 10 лет научился представительствовать, не отходя от письменного стола, и в нескольких ответных строчках, всегда кратких (ибо многие взывают к тому, кто преуспел и заслужил доверие), управлять своей славой. В 40 лет, усталый от тягот и превратностей прямой своей работы, он должен был ежедневно просматривать груды писем, снабженных марками всех стран нашей планеты.

Равно далекий от пошлости и эксцентрических вычур, его талант был словно создан для того, чтобы внушить доверие широкой публике и в тоже время вызывать восхищенное, поощрительное участие знатоков. Итак, еще юношей, со всех сторон призывающий к подвигу, - и к какому подвигу! - он не знал досуга и беспечной молодости. Когда на 35 году жизни он захворал в Вене, один тонкий знаток человеческих душ заметил в большой компании: "Ашенбах смолоду жил вот так, - он сжал левую руку в кулак, - и никогда не позволял себе жить этак", - он разжал кулак и небрежно уронил руку с подлокотника кресла. Этот господин попал в точку. Моральная отвага здесь в том и заключалась, что, по природе своей отнюдь не здоровяк, он был только призван к постоянным усилиям, а не рожден для них". (С. 130. Все цитаты Из "Смерть в Венеции" приводятся по изданию: Томас Манн. Новеллы. Лотта в Веймаре. М., 1986.)

Здесь мы видим, конечно же, пример состояния инфляции, то есть преувеличенная идентификация с созданным это-образом персоны, который до сих пор еще свойственен нашей культуре. Далее мы можем предположить, что здесь имеет место диссоциация с фаллосом, и, что сам фаллос может быть представлен в психике Ашенбаха в виде навязчивой идеи, требующей реинтеграции с помощью принесения жертвы образу персоны. Это своего рода современный эквивалент принесения жертв богу Приапу в античные времена для того, по-видимому, чтобы предотвратить как раз такое несчастье как то, что выпало на долю главного героя романа.

Приехав в Венецию, Ашенбах повстречался там с Тадзио. На первый взгляд может показаться, что путь от экстатического бога, породившего Приапа, до ангелоподобного 14-летнего Тадзио невероятно долгий. Но, также как и Дионис, похищенный пиратами, которые приняли его за беспомощного мальчика, довел своих похитителей до безумия и гибели, Тадзио убивает - или (поскольку это XX век) доводит Ашенбаха до одержимости.

Мы снова обнаруживаем тему околдованнысти красивой и прекрасной юностью, которая, вероятно, имеет существенное значение для рождения (возникновения) Приапа. Но в культуре времен Ашенбаха, в отличие от античности, подобное очарование оказывается недопустимым, неприемлемым, а потому и гораздо более опасным.

Томас Манн осознавал, какие мифологические параллели может вызвать его произведение. Первая встреча Ашенбаха с Тадзио носит явно эротический оттенок, особенно там, где описываются взаимоотношения мальчика и его матери, а также отношения с сестрами и гувернанткой. Это напоминает в чем-то любовный роман Диониса и Афродиты: "За

бамбуковым столиком под надзором гувернантки сидела компания подростков, совсем еще зеленая молодежь. Три молоденькие девушки, лет, видимо, от 15 до 17, и мальчик с длинными волосами, на вид лет 14. Ашенбах с изумлением отметил про себя его безупречную красоту. Это лицо, бледное, изящно очерченное, в рамке золотисто-медвяных волос, с прямой линией носа, с очаровательным ртом и выражением прелестной серьезности, напоминало собой греческую скульптуру лучших времен и, при чистейшем совершенстве формы, было так неповторимо и своеобразно обаятельно, что Ашенбах вдруг понял: нигде, ни в природе, ни в пластическом искусстве, не встречалось ему что-либо более счастливо совершенное. Далее ему бросилось в глаза явное различие меж воспитательными принципами, применяемыми к мальчику и его сестрам, что сказывалось даже в одежде. Наряд молодых девиц, - старшая из них уже могла сойти за взрослую, - был так незатейлив и целомудрен, что не только не красил их, но скорее даже уродовал. Из-за строгого монастырского платья, аспидно-серого цвета, полудлинного, скучного, нарочито мешковатого покроя, с белыми отложными воротничками в качестве единственного украшения, фигуры их казались приземистыми и лишенными грации. Приглаженные и туго стянутые волосы сообщали лицам молодых девиц монашески пустое, ничего не говорящее выражение. Здесь, несомненно, сказывалась власть матери, и не подумавшей распространить на мальчика педагогическую суворость, необходимую, по ее мнению, в воспитании девочек. Его жизнь, по-видимому, протекала под знаком нежного потворства. Никто не решался прикоснуться ножницами к его чудесным волосам, как у "мальчика, вытаскивающего занозу", они кудрями спадали ему на лоб, на уши, спускались с затылка на шею. Английский матросский костюм с широкими рукавами, которые сужались книзу и туго обтягивали запястья этих еще совсем детских, но узких рук, со всеми своими выпушками, шнурками и петличками, сообщал его нежному облику какую-то черту избалованности и богатства. Он сидел вполоборота к Ашенбаху, за ним наблюдавшему, выставив вперед правую ногу в черной лакированной туфле, подперевшись кулаком, в небрежно-изящной позе, не имевшей в себе ничего от почти приниженной чопорности его сестер. Не болен ли он? Ведь золотистая тьма волос так редко оттеняет бледность его кожи цвета слоновой кости. Или он просто забалованный любимчик, привыкший к поташкам и задабриванию? Ашенбаху это показалось наиболее вероятным. Артистические натуры нередко обладают предательской склонностью воздавать хвалу несправедливости, создающей красоту, и принимать сторону аристократической предпочтеннее.

В холле уже появился официант и по-английски объявил: "Кушать подано!" Собравшиеся мало-помалу скрывались за стеклянной дверью ресторана. Хлопали двери лифтов, опоздавшие торопливо проходили мимо Ашенбаха. За дверью приступили к трапезе, но юные поляки все еще сидели за бамбуковым столиком, и Ашенбах, уютно устроившись в мягким кресле, ждал вместе с ними: ведь глаза его созерцали красоту.

Наконец гувернантка, маленькая тучная особа с багровым румянцем, подала своим питомцам знак подняться. Высоко вздернув брови, она отодвинула стул и поклонилась высокой женщине, одетой в серое с белым, единственным украшением которой служили великолепные жемчуга. Осанка этой женщины, холодная и величавая, то, как были зачесаны ее чуть припудренные волосы, покрой ее платья, все было исполнено той самой простотой, что равнозначна хорошему вкусу повсюду, где благочестие неотъемлемо от аристократизма. Она могла бы быть женой немецкого сановника- Нечто сказочно пышное сообщали ее облику только украшения, поистине бесценные, - серьги с подвесками и тройная, очень длинная нить крупных, как вишни, матово мерцающих жемчужин". (Там же, с 146-148)

Зная, что Диониса воспитывали как девочку и что у него были длинные волосы, что в античные времена жемчуг был тем камнем, который в большей степени, чем другие ассоциировался с Афродитой, все возможные сомнения относительно намерений Томаса Манна провести подобные мифологические аналогии рассеиваются.

Автор напоминает и о других юношах из мифологии. Для Ашенбаха Тадзио олицетворял собой "голову Эрота, в желтоватом мерцании паросского мрамора, - с тонкими суровыми бровями, с прозрачной тенью на висках, с ушами, закрытыми мягкими волнами спадающих под прямым углом кудрей".(Там же, с. 150. "Там же, с. 167-If)

Красивый мальчик завладел умом Ашенбаха, но какие-либо действия были совершенно непредставимы для него , и это привело его к парализующему, компульсивному вуайеризму, болезненному неотвязному подглядыванию. Подобное отношение к такой одержимости, обсессивности прямо противоположно тому, что существовало в античные времена. Манн напоминает нам об этом, сравнивая Тадзио и Ганимеда: "... работать в присутствии Тадзио, взять за образец облик мальчика, принудить свой стиль следовать за линиями этого тела, представлявшегося ему богоподобным, и вознести его красоту в мир духа, как некогда орел вознес в эфир троянского пастуха. Блаженство слова никогда не было ему сладостнее, никогда он так ясно не ощущал, что Эрот присутствует в слове, как в эти опасно драгоценные часы, когда он, под тентом, за некрашенным столом, видя перед собой своего идола, слыша музыку его голоса, формировал по образцу красоты Тадзио свою прозу - эти изысканные полторы странички, прозрачность которых, благородство и вдохновенная напряженность чувств вскоре должны были вызвать восхищение многих. Хорошо, конечно, что мир знает только прекрасное произведение, но не его истоки, не то, как оно возникло; ибо знание истоков, вспоивших вдохновение художника, нередко могло бы смутить людей, напугать их и тем самым уничтожить воздействие прекрасного произведения. Странные часы! Странно изматывающие усилия! На редкость плодотворное общение духа и тела! Когда Ашенбах сложил листки и собрался уходить с пляжа, он почувствовал себя обессиленным, опустошенным, его даже мучила совесть, как после недозволенного беспутства".(Смерть в Венеции, с. 170-171.)

Здесь мы сталкиваемся с различием, существующим между культурой времен Ашенбаха и античной культурой. Когда Зевс под видом орла унес Ганимеда на небеса, чтобы тот стал виночерпием для богов, юноша "порадовал (взор всех) своей красотой" *. Но Ашенбах не мог наслаждаться юношеской мужской красотой, не испытывая при этом всепоглащающего чувства вины, отравляющего его существование. Возможно именно поэтому мифическая аналогия переходит от успешного похищения Зевса к страстной влюбленности Аполлона к Гиацинту, которая закончилась несчастием, так как ревнивый Зефир убил юношу с помощью диска (по другой версии сам Аполлон нечаянно убил своего любимца во время метания диска): "Много раз когда за Венецией заходило солнце, он (Ашенбах) сидел на скамье в парке, чтобы наблюдать за Тадзио в белом костюме с цветным кушаком, забавлявшегося игрою в мяч на утрамбованной площадке, и ему думалось, что он видит перед собой Гиацинта, который должен умереть, ибо его любят два бога. Он даже мучился острой завистью Зефира к сопернику, позабывшему оракула, лук и кифару для игры с прекрасным юношей; он видел диск, который беспощадная ревность метнула в прекрасную голову, и подхватывал, даже бледнел при этом, поникшее тело; и на цветке, возросшем из сладостной крови, была начертана его бесконечная жалоба...".**

Таким образом, Ашенбах по-прежнему оказывается не в силах справиться со своей одержимостью. Он становится импотентом, потому что не читит и не действует в соответствии с фаллическим компонентом своей маскулинности, живя вместо этого инфляционной жизнью, ограниченной тем, что является приемлемым для этого.

Секрет Ашенбаха, скрытый даже от него самого, - это Приап; и его установку по отношению к своей собственной тайне Манн продемонстрировал в уравнительной аналогии с коллективной тайной Венеции, - со смертельной вспышкой азиатской холеры: □ Larousse Encyclopedia of Mythology, p. 138.

"Такие мысли проносились в его одурманенном мозгу, так пытался он обрести почву под ногами, сохранить свое достоинство. И в тоже время он настороженно и неотступно вел наблюдение за нечистыми событиями на улицах Венеции, за бедой во внешнем мире, таинственно сливавшейся с бедою его сердца, и вскармливал свою страсть неопределенными беззаконными надеждами. Одержаный желанием узнать новое и достоверное о состоянии и развитии мора, он торопливо пробегал глазами немецкие газеты в кофейнях, так как они уже несколько дней назад исчезли из читальни отеля. Число заболеваний и смертных случаев равнялось будто бы 20, 40, наконец дошло уже до сотни и более, но тут же вслед за цифрами об эпидемии говорилось лишь как об отдельных случаях заражения, инфекция объявлялась завезенной извне. И все это перемежалось протестами и предостережениями против опасной игры итальянских властей. Словом, доискаться истины было невозможно".(Там же, с. 178.)

Перед лицом подобной сознательной установки можно было бы ожидать, что фаллическая сила всплывает в сновидениях Ашенбаха, - именно так все и случилось. Сон Ашенбаха приведен ниже, в новелле же ему предшествуют несколько ссылок (упоминаний) на дионасийскую оставленность. Как будто автор специально готовит читателя к встрече с юношеским образом Диониса и его приапическим детищем, столкновение с которым неизбежно для главного героя из-за его растущей одержимости по отношению к Тадзио.

Ашенбах следует за юным Тадзио и его сестрами по всей Венеции: "... он терял их из виду, разгоряченный, запыхавшийся, жался за ними по мосткам, забирался в грозные тупики и бледнел от страха, когда они внезапно попадались ему навстречу в узком переходе, из которого нельзя было ускользнуть. И все же было бы неправдой сказать, что он очень страдал. Мозг и сердце его опьяняли. Он шагал вперед, повинуясь указанию демона, который не знает лучшей забавы, чем топтать ногами разум и достоинство человека".(Там же, с. 175.)

У гостиницы уличные музыканты исполняли песню с припевом, который "был ничем иным как ритмическим немодулированным смехом", (Там же, с. 186.) и таким заразительным, что слушатели присоединились к нему. Ашенбах попытался рассказать правду о холере одному служащему английского бюро путешествий. Болезнь, которую он обнаружил, распространяла кругом все растущую несдержанность, непристойное поведение и преступление: "Против обыкновения, вечерами на улицах было много пьяных. Поговаривали, что из-за злоумышленников в городе ночью стало небезопасно. Ко всему этому добавились разбойные нападения и даже убийства. Так, уже два раза выяснялось, что лиц, мимо ставших жертвой заразы, на самом деле родственники спровадили на тот свет с помощью яда, и профессиональный разврат принял небывало наглые и разнужденные формы, прежде всего здесь незнакомые...".***

Таким образом, создавалась сцена для сна Ашенбаха, который может быть описан как слишком сильная, преувеличенная компенсация: "В эту ночь было у него страшное сновидение - если можно назвать сновидением телесно-духовное событие, явившееся ему, правда, в глубоком сне, но так, что вне его он уже не видел себя существующим в мире. Местом действия была как бы самая его душа, а все происшедшее ворвалось извне, разом сломив его сопротивление - упорное сопротивление интеллекта, пронеслось над ним и обратило его бытие, культуру его жизни в прах и пепел.

Страх был началом, страх и вожделение и полное ужаса любопытство к тому, что должно свершиться. Стояла ночь, и чувства его были настроены, ибо издалека близился топот, гудение, смешанный шум стук, скаканье, глухие раскаты, пронзительные вскрики и вой - протяжное "у" - все это пронизывали и временами пугающе сладостно заглушали воркующие, нечестивые в своем упорстве звуки флейты, назойливо и бесстыдно завараживающие, от которых все внутри содрогалось. Но он знал слово, темное, хотя и дававшее имя тому, что надвигалось "чуждый бог" Зной затянул, заклубился, и он увидел горную местность, похожую на ту, где стоял его загородный дом. И в разорванном свете, с лесистых вершин, стволов и

замшелых камней, дробясь, покатился обвал люди, звери, стая, неистовая орда - и наводнил поляну телами, пламенем, суетой и бешеными плясками Женщины, путаясь в длинных одеждах из звериных шкур, которые свисали у них с пояса, со стоном вскидывая головы, потрясали бубнами, размахивали факелами, с которых сыпались искры, и обнаженными кинжалами, держали в руках извивающихся змей, перехватив их за середину туловища, или с криками несли в обеих руках свои груди Мужчины с рогами на голове, со звериными шкурами на чреслах и мохнатой кожей, склонив лбы, задирали ноги и руки, яростно били в медные тимпаны и литавры, в то время как упитанные мальчики, цепляясь за рога козлов, подгоняли их увитыми зеленью жезлами и взвизгивали при их нелепых прыжках А вокруг стоял вой и громкие крики - сплошь из мягких согласных с протяжным "у" на конце, сладостные, дикие, нигде и никогда не слыханные Но здесь оно полнило собою воздух, то протяжное "у", точно трубил олень, там и сям многоголосо подхваченное, разгульно ликующее, подстрекающее к пляске, к дерганью руками и ногами Оно упорно не смолкало Но все пронизывали, надо всем властвовали низкие, влекущие звуки флейты Не влекут ли они - бесстыдно, настойчиво и его, сопротивляющегося и сопричастного празднеству, к безмерности высшей жертвы9 Велико было его омерзение, велик страх, честное стремление до последнего вздоха защищать свое от этого чужого враждебного достоинству и твердости духа. Но там, вой, повторенный горным эхом, нарастал, набухал, до необоримого безумия. Запахи мучили разум, едкий смрад козлов, пот трясущихся тел, похожий на дыхание гнилой воды, и еще тянуло другим знакомым запахом: ран и повальной болезни. В унисон с ударами литавр содрагалось его сердце, голова шла кругом, ярость охватила его, ослепление, пьяное сладострастие, и его душа возжелала примкнуть к хороводу бога. Непристойный символ, гигантский, деревянный, был открыт и поднят кверху: еще разнудзаннее заорали вокруг, выкликая все тот же призыв. С пеной у рта они бесновались, возбуждали друг друга любострастными жестами, елозили похотливыми руками со смехом, с кряхтением вонзали острые жезлы в тела близстоящих и слизывали выступавшую кровь. Но, покорный власти чуждого бога, с ними и в них был теперь тот, кому виделся сон. И" более того: они были о н, когда, рассви-рипев, бросались на животных, убивали их, зубами рвали клочья дымящегося мяса, когда на изрытой мшистой земле началось повальное совокупление - жертва богу. И его душа вкусила блуда и неистовства гибели".(Там же, с. 187-89)

Рассматривая начало сна Ашенбаха, можно было ожидать, что "чуждый бог" - это Дионис, но в его появлении во сне нет никакой необходимости, так как он уже существует в сознании главного героя в образе Тадзио. Но это поздний классический юный Дионис, и сон пытается восстановить ту приапическую энергию, которой его лишили. "Чуждый бог" - это Дионис, представляемый в виде деревянного phallus'a.

Сон Ашенбаха противопоставляет ему образы того, чего ему не достает, то есть, приапического, которое отделялось от него на протяжении всей жизни. Но, в отличии от Луция и Энколпия, Ашенбах не может испытать "бесстыдную деградацию своего падения", так как его культура, в отличии от их, рассматривает все, что символизирует сон, как полностью неприемлемое. В дионаисийском принимается все, кроме его красоты, которая и персонифицируется с образом Тадзио, и, как мы уже видели, даже обыкновенная реакция на нее наполняет Ашенбаха бессознательным чувством стыда.

Но Тадзио, тем не менее, символизирует все, что присуще Дионису, включая и само приапическое. Эта крайняя и непреодолимая форма дионаисийского прорывается в сон Ашенбаха, пытаясь через него проникнуть в психику, несмотря на то, что это не может этого допустить. Именно в этом заключается причина судьбоносной силы юного Тадзио.

Ответная реакция Ашенбаха - трогательна и фатальна, заранее предопределена. Манн так говорит об этом: Ашенбах олицетворяет "всю структуру культуры его времени" и не может отказаться от надежд, связанных с этим олицетворением . В действительности же у него есть два выхода из создавшегося положения. Он может либо отбросить свою персону и признать,

как это был вынужден сделать Луций: "Я - осел" и в результате затем страдать от деградации и унижения. Другой выход - он может умереть. Так как Ашенбах не может выдержать первое, он выбирает второе.

Поведение Ашенбаха после увиденного им сна почти невыносимо гротеско. Он красит волосы и, начиная с чрезмерной заботы о своих галстуках, украшениях и одеколоне, в конце концов, приходит к использованию косметики.(Там же, с. 190-191.) Он воспринимает все наоборот. Считая, что все, чего ему не хватает, - это юности. Он думает, что различные ухищрения помогут ему ее вернуть. Мы видим, что главный герой выбрал неверный путь. Его тайные и навязчивые фантазии продолжаются. Он преследует Тадзию даже более настойчиво и умирает, возможно от холеры, наблюдая за мальчиком на берегу моря.

В контексте того времени, культуры и личности самого Ашенбаха смерть не выглядит печальной. Главный герой подошел к тому, чего ему недоставало, так близко, как только можно, и умер в .по-видимому, счастливом созерцании этого. Подойти еще ближе означало бы для него унижение, что было неприемлемо. Даже когда Приап обратно сокращает инфляцию, унижение по-прежнему остается единственным выходом. А неприятие унижения означает смерть. Совершенно ясно, что наша культура имеет много общего с культурой времен Ашенбаха, и те пути, которые открываются, на первый взгляд, перед многими мужчинами сегодня, когда они лицом к лицу сталкиваются с дефляцией (разрушением) персоны, с которой они бессознательно себя идентифицировали, вряд ли более привлекательны, чем те, перед которыми оказался Ашенбах.

Некоторые мужчины выбирают духовную смерть, а не следование вышеуказанным путям. В то время как очень многие, для кого крах, падение не является всеобъемлющим, проводят остаток своей жизни, поддерживая старую персону, хотя косметика и становится все более крикливой и с каждым годом делается все труднее ее поддерживать. Именно на основе подобного рода вещей базируются, по-видимому, крайние проявления современного *machismo* ("самец"). Где же тогда выход? В чем альтернатива? Предлагать метафорические полумеры типа воссоединения с фаллосом, уподобления дионисийскому, движения к *coniunctio* и т. п. легко, но природа определенного кризиса Ашенбаха, видимо, ведет к тому, что подобные полумеры оказываются даже менее полезными, чем обычно.

Импотенцию трудно рационализировать, и если альтернатива представляется не только неприемлимой, но и непристойной, чтобы разрешить дилемму, то она становится более серьезной и глубокой. (Трудно спорить с тем, что Ашенбах должен был попробовать соблазнить Тадзию и вернуть его обратно в Мюнхен). В действительности античные литературные источники предполагают, что единственной альтернативой является унижение, но и оно вряд ли более приемлемо для мужчин сегодня, чем это было в 1911 году, когда Томас Манн написал свою новеллу "Смерть в Венеции". Признание физической эротической потребности, сопровождающейся земной несдержанностью, видимо, было более унижающим, чем это мог вынести Ашенбах.

На индивидуальном уровне отказ Ашенбаха от унижения привел его к смерти. Из этого может следовать, что и на коллективном уровне отказ от унижения может привести к тому же, но в большем масштабе. Действительно, актуальность проблемы инфляции мужского в нашей культуре не подлежит сомнению, так как правительство, находящееся в состоянии инфляции, имеет сейчас возможность выбрать смерть вместо унижения миллионов людей.

Единственное возможное решение, вероятно, может быть найдено в каком-либо способе облегчить мужчинам конца XX века своего рода трансформативное унижение, опробованное Энколпием и Луцием. Мы рассмотрим такую возможность во второй части нашей книги, на материале сновидений и психоанализа современных мужчин. Но, для начала, давайте коротко остановимся на физических симптомах приапической инфляции.

Глава 4

Физический приапизм

Приапизм (pri-apism) [от лат priapis (q v) penis]

Постоянная эрекция пениса, особенно в случаях заболевания или чрезмерного количества андрогенов, а не вследствие сексуального желания

Sledman's Medical Dictionary, 1976

То, что психика и соматика, в конечном счете, неотделимы друг от друга, становится все более и более очевидным, по мере того как мы подходим к пониманию физического как проявления психологических состояний, и наоборот Поэтому, было бы неверно пройти мимо медицинской литературы, описывающей состояние, названное именем нашего бога

Как мы убедимся в дальнейшем, физическая патология дает нам очень конкретное прояснение (амплификацию) мифического материала Начнем с того, что физический приапизм встречается крайне редко Один из авторов медицинского справочника утверждает, что он за время своей работы урологом встречался с этой болезнью менее 10 раз (Badenoch Alee W Manual of Urology, p 515-516)

Следовательно настоящий приапизм, то есть продолжительная эрекция полового члена, не сопровождающаяся сексуальным желанием, часто сопровождается болью и включает в себя прилив (застой) крови только в (пещеристом теле) согра cavernosa, что часто ассоциируется с лейкемией и болезнью серповидного эритроцита (sickle cell)

В качестве причин приапизма в литературе упоминаются инфекции (особенно простаты, предстательной железы), болезни центральной нервной системы, травмы и опухоли (Greyhack J T Early Shunting Procerures in the Treatment of Priapism", p 382), тромбоз вен согра cavernosa, часто предположительно из-за сексуальной невоздержанности (Colby F H Essential Urology, p 515-516). Последняя ситуация и некоторые другие случаи, причина которых еще недостаточно определена, входят в категорию "идиопатического приапизма".

Именно этот, называемый часто еще и первичным, приапизм и представляет для нас здесь интерес. Его следствием оказывается импотенция, если не принять соответствующих мер. Но и немедленное лечение еще не является гарантией того, что потенция будет восстановлена.

Colby дает полное и в то же время краткое определение этой болезни: "Истинный приапизм - это патологическое состояние продолжительной эрекции, не сопровождающееся сексуальным желанием. Может возникать в любом возрасте".

Этиология: Причины приапизма разнообразны и часто не ясны. Hinman делит приапизм на две группы: - в основе первой группы лежит нервическая природа, - во втором случае приапизм возникает из-за механических причин.

Приапизм нервного происхождения: стимулы могут быть как периферического происхождения, так и идти от спинного или головного мозга. Многие известные случаи приапизма связываются с такими заболеваниями спинного мозга, как ушиб (повреждение, рана), дегенеративное повреждение или неоплазматическое (опухоль) давление на позвоночник. Иногда болезнь наступает в результате черепно-мозговой травмы или опухли мозжечка.

Приапизм механического происхождения:, наиболее распространенной механической причиной данного заболевания является тромбоз вен согрода cavernosa. Часто он возникает из-за сексуальной невоздержанности. Приапизм может возникнуть и вследствие локальной (местной) или общей инфекции, опухоли полового органа. Около 25% случаев приапизма возникает у пациентов с лейкемией или схожими нарушениями. Недавно было обнаружено несколько случаев приапизма у "цветных" пациентов с анемией серповидного эритроцита.

Симптомы: При настоящем приапизме обычно присутствует эрекция только согрода cavernosa. Начинается болезнь неожиданно часто сопровождается болью. Мочеиспускание может быть затруднено или вовсе невозможно. Эякуляция возможна, но состояние продолжает оставаться неизменным.

Диагноз: Во всех случаях приапизма должен быть сделан анализ крови, чтобы определить наличие лейкемии или анемии серповидного эритроцита. Также должно быть проведено основательное исследование увеличенных лимфатических узлов. Приапизм продолжающийся более недели обычно механического происхождения.

Лечение: Некоторые случаи приапизма проходят сами по себе. В тех же случаях, когда причиной заболевания является тромбоз, часто помогает отсасывание густой темной крови из кавернозной ткани с помощью большой иглы. Может потребоваться разрезание и очищение (дренирование) согрода cavernosa. Можно предположить, что приапизм из-за нервного нарушения может быть вылечен благодаря блокированию или разделению нервов наружных половых органов в промежности. Если заболевание осложняется анемией серповидного эритроцита, то может быть применено многократное незначительное переливание крови. Когда же имеется тромбоз вен согрода cavernosa, выписывается dicumarol (дикумарол) от 100 до 300 мл ежедневно, чтобы довести уровень протромбина до 25% от нормы. Необходимо внимательно наблюдать за его уровнем.

Прогноз: Последствием приапизма может быть импотенция. (Там же, с 315-316)

Несмотря на то, что значительная часть медицинской литературы по приапизму сводится к описанию хирургических вмешательств, подобное лечение, как правило, не приводит к полноценному восстановлению функции эрекции.(Badenoch, Manual of Urology, p 549) Здесь уже можно услышать эхо нашего мифа: где бог Приап сокращает, но не восстанавливает инфляцию.

"Первые 72 часа в протекании идиопатического приапизма являются критическими в достижении успешного исхода, - пишет С. С. Winter, - так как необратимый фиброз обычно и чаще всего возникает после такого периода неослабевающей опухоли".*** Подобный фиброз дает самую удивительную конкретизацию мифа, поскольку, по словам Винтера, "на поздних этапах приапизма возникает фиброз согрода cavernosa, и именно поэтому половой орган приобретает деревообразное состояние и может оставаться в достаточно увеличенном виде".* Это говорит о том, что пенис становится импотентным (бессильным), превращаясь в "деревянную колонну" наподобие алтаря, где приносились жертвы богу Приапу в античные времена. Поэтому с помощью хирургии вылечить данное заболевание невозможно: "Потеря потенции и невозможность достичь спада является следствием продолжительного приапизма или возникает в результате фиброза кавернозных тел (cavernous bodies), а не осложнением шунтирующей (кровесбрасывающей) процедуры".**

Возникает вопрос: а есть ли доказательства того, что этому мучительному состоянию предшествует какое-либо инфляционное отделение? Если само состояние так схоже с конкретизацией мифической мести Приапа, который заставляет свою несчастную жертву каждый день осознавать свою импотенцию и приносить жертвы к его алтарю, то мы должны

попытаться найти то предшествующее состояние, когда человек игнорировал свою обязанность приносить жертвы мстительному богу.

Очевидно, что на такой вопрос ответить нелегко. Тем не менее я думаю, мы можем найти по крайней мере два ключа к разгадке. Один следует из слов Колби, процитированных выше, о том, что часть случаев физического приапизма возникает из-за тромбоза, который является результатом сексуальных эксцессов. Сам по себе сексуальный эксцесс - это пример инфляции. В этом случае инфляции подвергается сам phallus и это осуществляется в виде попытки сконцентрировать всю фаллическую энергию в его телесной материальности. Тогда сексуальная чрезмерность может рассматриваться как метафора инфляции, сопровождающая эксцесс любого вида: непомерную жажду власти, силы, богатства, денег, пристрастия к алкоголю и т. д., - а это лишь некоторая часть инфляции мужского в нашем современном мире.

Сознательная жертва чьих-либо эксцессов, очевидно, будет иметь дефляционный эффект, о чем хорошо знали те, кто оставлял часть своего урожая у подножия колонны Приапа. По крайней мере в области половых излишеств, бог имеет, вероятно, физиологический способ получить свою жертвенную долю, когда кто-либо оказывается настолько инфляцированным, что начинает сомневаться в его существовании.

Другой ключ к разгадке может быть найден, если обратиться к произведению Rafael Lopez-Pedraza "Гермес и его дети", в котором есть глава, посвященная богу Приапу. Автор предпочитает более сконцентрировать свое внимание на универсальном характере "причудливой капризности" Приапа, чем на специфическом образе гениталий неимоверного размера. Благодаря этому обсуждение уходит в сторону от первостепенного значения (важности) гениталий, как таковых. В ходе своего исследования он проинтервьюировал несколько пациентов, которые перенесли операцию в связи с приапизмом. Автор говорит о них следующее: "Мне удалось поговорить с несколькими пост-операционными пациентами. У одного была такая же картина крайностей: потенции и непоправимой слабости. К удивлению, у них не наблюдалась сексуальные фантазии, если же на них намекали, то немедленной реакцией было то, что у них абсолютно "нормальная" сексуальность. Слово "нормальная" они повторяют очень убедительно. В ходе беседы с этими пациентами было мало или почти ничего, что я смог бы уловить из так называемой физической сексуальности или воспоминаний о сексуальных образах. У меня не сложилось впечатление, что это - трагедия жизни или драма, или даже, что это расстроенная сексуальность или что-то в этом роде; постоянно повторялось только слово "нормальный". Например: "Я совершенно нормальный", "У меня всегда была совершенно нормальная сексуальность" и т.д.

Но было и еще что-то, что я хотел бы добавить к языку детей Приапа: а именно - риторика Приапа. Один пациент рассказывал мне о своей сексуальности только в терминах количества (число раз) и времени. Это всегда было нормальным. Может быть три или четыре раза в неделю. Иногда это продолжалось два, два с половиной часа, иногда четыре или пять, а порой шесть или даже шесть с половиной часов. Мне хотелось бы добавить его язык (манеру говорить) к риторике Приапа, которую мы исследуем *

Язык данного пациента является прекрасным примером того, что Лопес-Педраса называет "риторикой Приапа". Автор подчеркивает его повторяемость, глуповатую манеру изложения и банальность. Для меня же в языке есть нечто более важное, что возвращает нас к приапической физиопатологии самой по себе: его крайняя конкретность. В нем мы не найдем ни единого намека на метафору, в нем нет восприимчивости к символам, нет способности к фантазии, нет даже открытости для аналогии или сравнения. Все предельно конкретно и в точности соответствует тому, что есть на самом деле. Фаллос - всего лишь phallus, а половое сношение - это оргазм плоти и крови, и только. Следовательно, здесь мы можем видеть отрицание символического значения, а значит, и психологического в целом.

Мне кажется, что данная мысль перекликается и с Петронием, Апулеем и Т.Манном. Каждый из их героев конкретизирует свой фаллический поиск и поэтому делает его совершенно безнадежным. Ашенбах, например, так боится конкретного поиска, что даже не может его начать, Энколпий же конкретизирует свой фаллос даже тогда, когда он был восстановлен, пытаясь, таким образом, снова подвергнуть его опасности, и только Луций после длительной борьбы нашел в себе силы признать и принять себя таким, какой он есть - ослом, без приукрашения мужской власти и позиции. Восстановление Приапом инфляциированного состояния, которое он отнял, до своего первоначального состояния - это невыполнимое требование. С тем же успехом можно было бы требовать полного аннулирования фиброза, возникшего в результате приапизма.

Но это невозможно. Излечение приходит от другого бога или богини, если оно вообще приходит. В случае с Луцием - единственным приапическим героем, о чьем дальнейшем изменении мы знаем - необходимо полное изменение в фаллическом выражении. Здесь следует обратиться к метафорическому, религиозному, психологическому и женскому. Это как раз та восприимчивость к метафоре, которой не хватает пациентам Лопес-Педраса.

Можно предположить, что подобный недостаток в умении психологического или символического переживания фаллоса, может быть как раз той причиной, которая, в первую очередь, вызывает чрезмерную конкретизацию. Тогда жертва, требуемая Приапом, становится жертвой материального излишества (эксцесса) и самой инфляцииированной персоны, которая сопровождает идентификацию с ним. Принесение в жертву персоны ведет к унижению, которое не ослабевает, пока не будет найден способ психологического, метафорического наполнения того, что пытаются удовлетворить конкретно.

Теперь рассмотрим сны и те способы, с помощью которых сама психика может обеспечить средства для такой жертвы.

Часть 2

В поисках ФАЛЛОСА

Глава 5

Стадии фаллического поиска

До сих пор мы имели мифологему, которая сама по себе дополнялась и развивалась на основе мифических, литературных, психологических и физических метафор. Соединив и суммировав этот материал, мы получим историю, состоящую из 7 стадий, которые различны во всех ее формах. Более того, сны и жизненные ситуации мужчин, в которых активируется приапический архетип, отражают те же стадии, таким образом, являясь в некоторой степени показателем того, о какой части фаллического путешествия размышляет бессознательное во время этого сна.

Эти семь стадий сгруппированы в три более крупные фазы мифа, создавая своего рода трехкомпонентную структуру, состоящую из экспозиции, развития и разрешения. В общих чертах это отражено ниже. Каждая из последующих глав будет посвящена рассмотрению одной из этих фаз.

Фаза:

I Экспозиция

II Развитие

III Разрешение

Стадия

1. Отделение
2. Инфляция
3. Уменьшение (обрзание)
4. Поиск
5. Прекращение поиска
6. Божественное вмешательство
7. Трансформация

Необходимо понимать, что хотя вышеуказанные стадии последовательны, они действуют в психо-мифическом времени. Поэтому, как и в любой мифической последовательности событий, все составляющие происходят всегда, а движение возникает таким образом, как если бы индивид или культурное психическое двигались в рамках бесконечного, межличностного мифа.

Нужно сказать, что нельзя ожидать планомерного (упорядоченного) прогресса ни в одном из данных случаев. Более того, стадии повторяются и возвращаются до тех пор, пока не будут адекватно ассимилированы этого. К тому же не все, начавшие это путешествие, достигают его конца. Например, история Ашенбаха закончилась на 5 стадии, история Энколпия (по крайней мере на основе сохранившихся отрывков из Сатирикона) достигла 6 стадии. Из рассмотренных нами героев классической литературы только Луций дошел до 7 стадии, до завершающей трансформации.

Глава 6

Фаза 1: Экспозиция

Отделение

Приап, как мы уже отмечали выше, - это лишь фрагмент. Как и потерянный phallus Озириса он является лишь частью божественного образа, который эволюционирует. Последний рассматривается как образ Диониса, развивающийся от бородатого мужчины до прекрасного юноши.

С психологической же точки зрения, всякий раз, когда мужественность, привлекаемая Афродитой, то есть маскулинность сексуально наполненная в индивидуальной психике или культуре, развивается в сторону юности, зрелый фаллос, который не может быть включен в юношеский образ, приобретает самостоятельную идентичность. Так рождается Приап.

В античные времена, когда люди поклонялись богу Приапу, этот юношеский образ, вероятно, культивировался осознанно и являлся общепризнанным эстетическим идеалом, что

не совсем соответствует западной культуре XX века. Верно, что с нашей помощью образ мужчины-юноши появился как физический идеал и в психике отдельных индивидов, и в отдельных семьях (особенно, если взаимоотношения между матерью и сыном приобретают сексуальную окраску) и в некоторых, в основном, гомосексуальных культурах. Однако, на современном широком культурном уровне "почитается" скорее психика мужчины-юноши, а не его тело, как в Греции и Риме. Другими словами, наши обычай (ритуалы, церемонии) перехода во взросłość испорчены и неэффективны.

"Часто говорят, что одной из отличительных черт современного мира является исчезновение каких-либо значимых обрядов инициации (посвящения)", - пишет Мирче Элиаде. (Rites and Symbols of Initiation, p.ix.)

Джозеф Хендerson в книге "Пороги инициации" (Thresholds of Initiation) документально подтверждает усилия психического компенсировать подобное явление, в то время как Торкил Вангаард (Thorkil Vanggaard) рассматривал сами результаты фаллической инициации и их недостаточное воздействие на развитие мужского в западной культуре (Phallos: A symbol and Its History in the Male World.).

Например, еврейская бар-митцва (В переводе с иврита означает подростка, достигшего 14 лет. До этого времени вся ответственность в религиозных вопросах возлагается на отца, но по достижении бар-митцвы подросток вступает в пору зрелости и занимает свое собственное место в религиозной общине. Прим. рус. ред.) (bar mitzvah), по-видимому, является наиболее широко практикуемым обрядом, сохранившимся на сегодняшний день в Америке; но после его совершения юноша приходит домой, в свою семью, чтобы жить точно так же как и до обряда. Нигде не существует формального необратимого перехода от материнской зависимости к зрелой фаллической свободе.

Таким образом, от поколения к поколению мужчины остаются юношами в психологическом смысле на протяжении длительного периода времени, если не на всю жизнь, в то время как фаллос с необходимостью делается независимым комплексом, вечно удерживающим мужчин в беспомощной зависимости по отношению ко всем видам силовых упражнений и спорту.

Отделение фаллоса само по себе, не должно причинять мужчине какую-либо боль, побуждающую его обращаться к психотерапии. Я подозреваю, что именно по этой причине античная юношеско-дионисийская эстетика просуществовала так долго. Но маскулинность, отщемленная от фаллоса, оказывается подверженной инфляции, особенно в наше время, когда, образно говоря, отсутствует законно инфляционированный phallus. Тогда инфляция стремится обратиться к чему-либо доступному, чем после отделения, и оказывается эго.

В античной культуре это было известно, и, вероятно, отражалось в принесении жертвы Приапу части мужского труда. Таким образом, предотвращалось напыщенно-преувеличенное (инфляционированное) чувство материального и психологического богатства. Но в нашей культуре подобная встроенная жертвенная процедура отсутствует, оставляя мужчин с отделенным фаллосом, уязвимыми для инфляции (стадия 2). Приап урезывает инфляцию (prunes) (стадия 3), и именно боль обрезания или дефляции и приводит большинство мужчин к терапии.(Это драматически проиллюстрировано в книге Daryl Sharp, The Survival Papers: Anatomy of a Midlife Crisis.)

Таким образом, наше психологическое доказательство в основном исходит из реального взаимодействия мужчин со средней или "развивающейся" фазой мифа. (также это можно назвать и стадией анализа).

Один такой мужчина, в дальнейшем будем его называть Роберт, наблюдал следующее видение в процессе активного воображения (оно очень ярко описывает отделение фаллоса в результате сверхидеализации матерью своего препубертатного сына): "Я видел ведьму, старую седую старуху с бородавками, в черной одежде и остроконечной шляпе. Она расположилась у большого котла, в котором помешивала что-то метлой из ивовых прутьев. Она делала это, если котел закипал и заливала огонь на поляне, окруженной лесом. Подойдя к ней, я увидел себя мальчиком, видимо, лет десяти или одиннадцати. Как только я оказался рядом с ней, старуха вытащила метлу из котла и, действуя ей словно кистью, стала обмазывать мальчика с головы до ног. Она действовала неистово, ударяя по нему метлой и расплескивая жидкость вокруг. Вдруг мальчик превратился в девочку. Свою изменившуюся форму он осознал в особенности четко, так как у него больше не было полового органа. Затем я осознал развитие девочки на протяжении нескольких лет. Вероятно, она оставалась в лесу и превращалась в красивую, сексуальную и загадочную молодую женщину с длинными черными волосами".

В действительности Роберт провел свою юность как изнеженный темноволосый Тадзио, заблудившийся в дебрях интимных, слишком теплых взаимоотношений со своей матерью и враждебной ревности своего отца. Ужасаюсь тому, что он переживает как застенчивая женоподобная натура, Роберт обратился к так называемым мужским занятиям, которые совершенно не соответствовали его созидательному темпераменту. Естественно, он не мог достигнуть в них успеха, и в нем развилось чувство некомпетенции, которое в дальнейшем подтачивало его профессионально и, в конце концов, привело к психоанализу.

Тема транссексуализма, причиной которого явилась кастрирующая ведьма, также появляется в материалах Стефена: но в его случае колдовство происходит в более раннем возрасте. В начале своего анализа он говорит, что сны о ведьмах он видел часто в возрасте 3-5 лет и приводит как типичный пример следующее сновидение: "Я нахожусь в спальне матери и смотрю на нее обнаженную. Вдруг она превращается в ведьму. Я убегаю из комнаты к своей матери (другой), но и та (другая) тоже превращается в ведьму".

После этого рассказа Стефен увидел еще один сон, который помогает установить связь между ведьмой и его психологически кастрированным состоянием: "Я беспокоился о сдаче и завершении своих экзаменов. Это, скорее, напоминало выпускной класс. Затем я оказался в комнате, я - девушка с длинными белыми волосами и частично одетая. В конце комнаты в дверях стоит высокая черноволосая женщина с ястребиным лицом в тесной викторианской одежде с высоким воротником. Она собирается научить меня как быть ведьмой и перестать вести себя благоразумно. Она раскрывает мне секрет, что и она тоже была ведьмой в молодости. Но в тоже время эта женщина дает мне понять, что если я буду вести себя достаточно хорошо, то она позволит мне делать все, что я хочу".

Судя по препубертатным воспоминаниям и снам других мужчин, прибегавших к помощи психоанализа, возможно, что отделение фаллического потенциала переживается мальчиками как иррациональный страх оказаться на самом деле девочкой. Было бы интересно изучить генезис транссексуализма и трансвестизма в рамках мифа о Приапе, но это не входит в предмет обсуждения данной книги.

Ниже приводится еще один транссексуальный сон, принадлежащий мужчине по имени Давид, чей случай будет рассмотрен более подробно в следующей главе: "Я нахожусь рядом с девочкой из первого класса. Она относится ко мне как к девочке и спрашивает, что со мной случилось".

Инфляция

Вероятно, мужчина, находящийся в постпубертатном периоде и лишенный возможности психологической взаимосвязи с фаллосом, - является особым предметом для инфляции, которая возникает как защитный механизм от разрушительного действия переживания себя как чего-то женского.

Античная культура рассматривает инфляцию как нечто опасное, так как она делает человека уязвимым перед приапическим радикальным уменьшением.

Именно поэтому люди приносили жертвы богу Приапу. Наша же культура не предусматривает подобных вещей. Сама по себе инфляция совсем не болезненна, и мужчины не обращаются к психотерапии пока в состоянии ее выдерживать. Более того, они кажутся совершенно сбитыми с толку, когда поддерживать предыдущее инфляционированное состояние оказывается невозможным по той или иной причине: неудавшиеся взаимоотношения, потеря работы, упадок физических атрибутов юности или что-либо еще, из-за чего они стали слишком зависимы от чувства своей значимости или от мужской самоидентификации в обществе.

Например, инфляция Энколпия, по-видимому, возникала в его ощущении самого себя одновременно и как беспредельно сексуального, и как находящегося выше религиозного и законного ограничения своего мира. В случае с Луцием инфляция заключалась в том, что он мог подчинять своей воле с помощью магии. Инфляция же Ашенбаха состояла в его полной идентификации со статусом очень значительного писателя.

В наше время мужчины в ходе психоанализа часто снова и снова возвращаются к состоянию инфляции, неспособные пожертвовать атрибутами персоны, вздувающими их за пределы собственной реальности.

Ниже приведены сны об инфляции, содержащие отбор многих метафор, с помощью которых психика описывает данное состояние. Без сомнения, любой аналитик может добавить к ним и другие.

Данный сон принадлежит Роберту, в чьей семье кастрированно-инфляционная маскулинность, вероятно, являлась нормой для нескольких поколений:

"Я привел в дом родителей своей матери собаку. Мы шли вдоль старой дорожки, собака бежала по земле, в то время как я парил в воздухе позади нее, связанный с ней длинным поводком. Затем я повторил этот путь, но на этот раз зная уже своего отца. Снова впереди бежала собака, и либо мой отец шел, а я парил, либо наоборот. На следующий день все повторилось снова: мой брат прогуливаясь с отцом, а я летел за собакой".

Во время этого сновидения Роберт выглядел неплохо в своем анализе, и сон, вероятно, отражает увеличивающуюся заземленность (растущую устойчивость) своей маскулинности, по мере того, как он повторяет сам путь, - естественно, с это остающимся в состоянии инфляции дольше всего. Такая форма повторения кажется неизбежной, так как боль дефляции фальшивой эго-позиции и вследствие этого принятие и асимиляция своего актуального состояния кастрированно-импотентного отделения может оказаться очень трудной, чтобы выдержать ее всю сразу.

На начальной стадии своего психоанализа Стефан вводит в рассмотрение следующий сон. Интересно, что накануне (за день до этого) он перечитывал "Смерть в Венеции" (В то время я еще даже не начинал исследовать мифы об инфляции, поэтому новелла Манна не рассматривалась мной в этом контексте. Тем не менее психика Стефена, вероятно, уловила

суть дела). Заключение сна подсказывает, как он себя чувствовал, когда его инфляция разрушается. Неудивительно, что он возвращался к ней так настойчиво!

"Я нахожусь вместе со своей семьей. Затем я - в театре колледжа. На сцене происходит действие, и я осознаю, что я - это третий акт. Они объявляют: "На сцене Бэтмен!" (Batman - по-английски, вестовой, ординарец. Другая ассоциация одноименного фильма. Прим. русск. ред.), и я бросаюсь туда в костюме, отвешиваю нарочито глубокий поклон, хотя зрители уже аплодируют. Затем я неудержимо и жизнерадостно устремляюсь назад. На сцену выходит мужчина и говорит: "Я - бог". Я снова на сцене, отпускаю ироничные шутки о колледже и вдруг обнаруживаю, что не могу остановиться, что говорю без удержу. Но когда я все же в конце концов останавливаюсь, то все исчезает, и я остаюсь совсем один".

Приведенные ниже сны принадлежат пациенту по имени Арнольд. Они все из одной ночи и могут служить для иллюстрации некоторых других метафор инфляции:

"Я забил два ключевых гола в "Супербоул" (Superbowl - финал первенства Национальной лиги американского футбола - прим. русск. ред.) и выиграл игру.

Я рад, что стал известен, что хорошо сделал свое дело, и мое имя попало на экраны телевизоров. На следующий день на работе все говорят, что я получил самую ценную награду игрока, но все же среди всех игроков я - самый плохой. Я говорю, что меня это не беспокоит, поскольку я оказался самым полезным игроком.

Я играю в высшей лиге в бейсболе.

Предполагалось, что на деловой конференции я встречу папу римского. Каждый участник воображал, на что это будет похоже".

Примечательно, что приведенные здесь сны стремятся не просто оставить сновидца в состоянии инфляции. Скорее, наоборот, они с состраданием дают намек, что необходимо в некотором роде "притормозить", хотя даже и в этом случае позиция дефляции может оказаться опустошающей (как в замечании типа "Я совсем одинок" или "Среди всех игроков я - самый плохой").

В то же время мы должны учитывать, что хотя это и сны мужчин, проходящих процедуру психоанализа, и, следовательно, находящихся под внимательным психологическим "оком" аналитика тем не менее я считаю, что они дают нам важные сведения о способности инфляцииированной психики к самоизлечению. Несмотря на те идеи и взгляды, которые мы черпаем из нашей культуры, психологическая инфляция не является нормой или необходимостью для поддержания зрелого мужского начала. Сны, по-видимому, предпринимают усилия направить сновидца к более аутентичной позиции (установке) и сделать это как можно мягче.

Глава 7

Фаза II: Развитие

Обрезание (Pruning)

С теоретической точки зрения состояние отделенное от фаллоса может сохраняться неопределенно долго, если только есть возможность избежать попадания в инфляцию. Но инфляция - слишком соблазнительна, так как создает иллюзию мужской подлинности, альтернативой которой является рассмотрение кого-либо как импотента, женоподобного субъекта или даже в качестве женщины.

Однако рано или поздно инфляции разрушаются, часто с болезненными и губительными последствиями. В античных мифах подобное разрушение описывается как использование ножа для обрезки деревьев богом Приапом, и мы должны рассматривать это как самостоятельную попытку фаллического комплекса привлечь к себе внимание эго с тем, чтобы достичь реинтеграции.

Проблема же заключается в том, что это этому сопротивляется. В таком случае комплекс вынужден обостряться и инфляция должна быть подвергнута яростным нападкам, по-видимому, совсем не принимая во внимание благополучие эго. На индивидуальном уровне это может оказаться весьма разрушительным, а на коллективном культурном уровне нашего времени - предельно пагубным.

Довольно часто мужчины, пребывающие в инфляции, воспринимают дефляцию как унижение. Сильные и повторяющиеся переживания этого унижения могут привести их к психоанализу, с целью избавления от подобного неудобства. К сожалению (но вполне естественно), пациенты часто хотят прекратить унижение с помощью восстановления инфляции, которую они переживают довольно благоприятным образом; соответственно состояние эго, вызванное приапическим обрезанием, - это то, что мы здесь называем стадией 4, или поиском. Обрезание вызывает поиск восстановления того, что было обрезано, и анализ - это один из путей, на котором мужчины ищут восстановления.

Поэтому по мере вхождения в психоанализ многие мужчины начинают с подробного изложения своих переживаний и снов относительно недавнего дефляционного обрезания, иногда при этом используя метафоры, которые точно отражают различные аспекты мифа о Приапе.

Примером подобного сна является сон у пациента по имени Роберт, в котором совпадение достигает деталей сада и грушевого дерева, хотя сновидец и не был знаком с мифологией Приапа.

*"Я двигаюсь по грязной дороге к ферме на вершине холма. Каждая проходящая мимо машина делает дорогу все менее проходимой, и я сомневаюсь: не вернуться ли мне назад. Недавно я посадил на ферме грушевое дерево, и сейчас знакомая пара, мои друзья, пришли поискать на ней плоды. Я решил к ним присоединиться, но почувствовал, что это опасно. Друзья вернулись с фруктами. Мужчина был обнажен, и я заметил, что у него нет полового члена. Он говорит, что у него есть колокольчик, чтобы предупреждать окружающих людей, которых может оскорбить вид его наготы".**

* Полезно отметить, что сны о раздевании и обнажении на публике указывают на дезидентификацию с персоной, которая может проявляться в процессе дефляции.

Ассоциации Роберта связаны с его семьей, в особенности, с образом отца, чьим хобби было садоводство. "Кажется, что он никогда и ничего не сажал. Отец всегда что-то обрезал, пересаживал, снова обрезал, уничтожал сорняки и травил насекомых. Я думаю, что он делал тоже и со мной", - сказал как-то Роберт. В действительности у него в некоторой степени преувеличенно-напыщенный взгляд относительно своих юношеских возможностей, поскольку его постоянно склоняли рассматривать себя как несостоявшегося вундеркинда; но как чувственное описание соприкосновений с ножом Приапа его ассоциация весьма красноречива.

Похожий сон был и у Стефена: у него обрезание и чувство кастрации выражены в более метафорической форме, но чувство унижения - также очевидно. У Стефена было преувеличенное самомнение о месте среди своих коллег по профессии, и поэтому переживаемая им дефляция через унижение и напряжение личных взаимоотношений была

для него очень болезненной. Она окончательно подорвала его позицию, и он был вынужден оставить эту работу.

"Я раздеваюсь в конце рабочего дня. Мой начальник и его помощники проходят мимо. Я смущен, что они увидят меня обнаженным, и делаю вид, что одеваюсь, но при этом не одеваю нижнее белье. Но даже и тогда они уходят без меня".

Интересен также и сон Арнольда, увиденный им во время столкновения с инфляцией, которая в самом сновидении описывается как "что-то большое". В сне содержится представление об обрезании с предположением, что инфляция связана с привязанностью к матери:

"Банда подростков делает что-то непонятное, каким-то образом связанное со мной, а возможно, делает нечто против меня. Затем один из них делает что-то большое, поскольку он получает право взять небольшой нож и сделать порезы на переносице двух других ребят. Сделав это - приложив лезвие к носу и ударив по нему рукой, - он произносит в соответствии с обрядом: "Мать сделала это с твоим носом среди бела дня".

Указание на социальное унижение ["это... с носом" (порез)... "среди бела дня", т.е., публично] и на фаллическое смещение в сторону носа также проявляется в ассоциациях Арнольда. Мы не исследуем, почему нож был небольшим, хотя это и могло быть связано как со свойствами антиинфляционными, имеющими отношение к "порезу", так и с тем, что нож для обрезания в действительности обычно небольшой по размеру.

Поиск

Трудно разделить стадию обрезания от последующего поиска восстановления состояния инфляции, так как поиск начинается немедленно и именно поэтому большинство мужчин обращается к психоанализу.

Очень часто их поиск оказывается длинным, так как почти всегда это поиск восстановления состояния инфляции, а не позитивного чувства фаллоса, которое позволило бы им жить без нее. Задача психоанализа и состоит в том, чтобы направить данный поиск в более плодотворном направлении, и поэтому здесь необходим отказ от желания вернуться в состояние инфляции и отказ от осознанного огорчения по поводу ее потери.

Например, в случае с Луцием поиск заключается в восстановлении его человеческого облика, который подразумевает восстановление, и его преувеличенной самооценке как своего рода антропологии магического. Поиск Ашенбаха описан менее ясно, и тот факт, что он не мог без страха смотреть даже на образ своей цели (обольщение Тадзио), вероятно, является причиной невозможности такой связи, которой главный герой избежал только благодаря смерти. Поиск Энколпия больше всего походит на форму, которая очень часто встречается в аналитической работе и в наши дни, то есть активный поиск секса.

Примером такого поиска может служить история Давида. Он жаловался на частые принудительные сексуальные контакты с незнакомыми мужчинами, которых он встречал в разных барах, банях, парках и т.д.* Они никогда не были особо приятны для него, а после он испытывал крайнюю депрессию и разлад с самим собой, хотя и не мог изменить или осознать свое поведение. Мать Давида ненавидела даже память о его покойном отце, которого мальчик никогда не знал и которого он физически напоминал матери. Именно поэтому мать делала все, что могла, чтобы подавить в нем все, что напоминало ей о его отце, включая и его мужское начало.

Она превратилась в так называемую "кастрирующую мать", думая что, если мужчины умирали или оказывались причинами ее проблем, то она должна предохранить своего сына от превращения в одного из них. Как любой ребенок Давид проводил многие часы фантазируя, что его отец как по волшебству возвращается домой - "приходит, спускаясь с холма, и делает меня счастливым".

В начале психоанализа Давид рассказал следующий сон, который он запомнил с дошкольных лет: Представляя в перспективе поведение Давида, необходимо отметить, что данная книга вышла до того, как стал известен СПИД, который теперь ассоциируется с деятельностью такого рода.

"На улице темно, кто-то спускается с холма к нашему дому. Это эротически-чувственный, громадный, обнаженный волосатый мужчина. Что-то очень красное около головки его полового члена. Я помню чувство безопасности, тепла и волнения, когда прикасался к его ногам или чему-либо еще".

Давид рассматривает сон как раннее проявление своей гомосексуальной ориентации, но, я думаю, что в нем есть и что-то еще, помимо этого. Перед нами приапический образ мужчины. Если интимный контакт с Приапом вызывает чувство безопасности, тепла и возбуждения (все это отсутствовало в детстве Давида), тогда сон открыто выражает отделение Давида от фаллоса, которое нужно излечить, если он в действительности переживает подобные качества в своей взрослой жизни. Мужчины, оказывавшиеся фаллическими в смысле образа сновидения, были как раз теми, кого он (Давид) искал; для конкретизации образа комплекса ему нужны были контакты с ними.

Второй сон, приснившийся незадолго до начала первого часа его аналитического процесса, дает образ той части Диониса, которая остается после отделения от фаллоса: "На большой арене все люди обнажены, они стоят и на высокой галерке. Ни у кого нет никаких волос, и у всех между ног торчат громадные грозди зеленого винограда. Люди бегают вверх и вниз по проходам и между рядов".

Отсутствие фаллоса обычно характеризуется безволосостью: юный Дионис доведен здесь до крайности, так как вообще заменен виноградом. Возможно, виноград также является и замещением алкоголя (вины), так как фаллос, являющийся частью жизни многих мужчин, включает и мир баров для гомосексуалистов, в которых Давид проводит изрядную долю времени.

Действительно, алкоголизм может быть фатально хаотической стороной дионисийского экстаза, и в данном случае на это указывает неистовое (безумное) бегание и прыгание людей в сновидении. После нескольких сессий психоанализа Давид увидел следующий сон, где присутствовал скрытый смысл, заключавшийся в том, что он должен был начать смотреть на символическую сторону своего гомосексуального комплекса: "Мне сказали, что мы с сестрой должны украсить дом нашей матери. Я решил от этого увильнуть. Боясь, что меня поймают, я бегал от одного соседского дома к другому. В конце одного дома была дверь, которую я и открыл. Она вела наружу, и там в темноте был обнаженный мужчина, очень горячий, волосатый, с громадным половым органом, определенно гей. Он тотчас привлек мое внимание. Я сделал шаг и, когда моя нога была как раз на полпути, я сказал: "Это ловушка, это западня" и проснулся".

Конкретизация - и увековечивание - фаллического поиска в форме гомосексуальной неразборчивости является распространенным явлением нашего времени. Она оказывается достаточно мучительной для тех мужчин, которые отождествляют себя как гомосексуалов, поскольку это не только бесконечно усложняет их жизнь, но и ставит под угрозу их более глубокие взаимоотношения с другими людьми. Для тех, кто продолжает считать себя

приверженцем гетеросексуальных отношений, подобное явление может быть даже еще более болезненным. Отделение от фаллоса, конечно же, подрывает и отношения между мужчиной и женщиной, так как оставляет мужчину бессильным для борьбы с аспектом пожирающей матери у любой женщины, с которой он связан. В этом случае соблазн к отношениям фаллической безопасности, то есть гомосексуальным отношениям, может стать крайне выраженным.

Роджер, когда ему перевалило за 25 лет, был именно таким мужчиной. У него были продолжительные взаимоотношения с молодой женщиной, которая его очень любила. Но его смущали и тревожили гомосексуальные фантазии, тем не менее, когда у него была возможность действовать в соответствии с этими побуждениями, он всегда в панике бросался прочь. Роджер принес следующие три сна после нескольких месяцев психоанализа:

"Меня представили привлекательной, отнюдь не противной, молодой женщине из моего родного города. Она спросила, есть ли у меня друг, поскольку я - гомосексуал."

Я ответил, что нет, и попытался объяснить, что в моем городе не все мужчины - гомосексуалы, но мне не хватило слов.

Я поймал рыбу и положил ее в воду, надеясь, что она не уплывет. Но рыба уплыла. Я попытался снова ее поймать, но не смог. Она от меня ускользнула и превратилась в зерно.

Меня привлек чернокожий мужчина. Это показалось мне довольно странным, так как ему было лет тридцать".

Приведенные выше сны представляют собой сжатое описание приапической ситуации, той, что мы все еще обсуждаем. Так, привлекательность женщины из родного города предполагает кастрированную эротическую связь со своей матерью, что подтверждается историей его жизни. Она была подавленной и неудовлетворенной женщиной, которую, как это чувствовал Роджер, он должен был поддерживать, защищать и которой должен был угодить. В результате, как говорят сны, связь с фаллосом была очень слабой: каждый раз, когда он "его" ловил, он стремился отложить его в сторону и тот "уплывал". Он не гордится, а, наоборот, принижает фаллическую ценность (пойманная рыба, осознание бессознательного содержания, превращение в зерно), именно поэтому он остается перед дилеммой ("зерно"), рассматривая свои взаимоотношения.

В то же время сновидца таинственным образом привлекает (притягивает к себе) фигура темного, неизвестного мужчины более старшего возраста.

Примеров фаллического поиска можно приводить бесконечно много. У одних мужчин он приобретает сексуальную форму, тогда как у других - поиск идеального наставника. Некоторые ищут замену неудавшемуся или отсутствующему отцу, или идеальную работу, избирательный участок, а иногда удачу или власть. Общим для всех является экстериоризация (овеществление) и конкретизация того, что должно, наконец, стать внутренним поиском.

Овеществленный поиск не может взаимодействовать с фаллосом, который был отделен в границах психического, поэтому провал такого поиска гарантирован. Следовательно, рано или поздно от него придется отказаться.

Прекращение поиска

Если овеществление или конкретизация приапического поиска является гарантией его неудачи, то можно понять особую релевантность (уместность) конкретизации и ее роли в медицинском синдроме приапизма, рассмотренного нами в четвертой главе.

Однако, Приап, видимо, требует конкретизации присущей ему образности, если мы вообще хотим пережить его в действительности. В этом, вероятно, заключается объяснение наиболее сложной характеристики Приапа: а именно то, что он не может сам восстановить то, что отобрал (prunes). Он "отрезает" преувеличенную точку зрения (inflated), а инфляция оказывается просто дефляцированной с помощью конфронтации с объективной реальностью - "среди бела дня", как в сне Арнольда (см. выше, с. 88). Результатом является унижение - другой феномен "реального мира", в котором эта конфронтация не переживается внутрипсихически.

Болезненное унижение действительно требует по крайней мере двух участников, поскольку включает в себя как страх быть отвергнутым, так и состояние беспомощности в желании это предотвратить. Приап обрезает, опровергает (deflates), унижает и уводит со сцены. Здесь мы имеем две альтернативы: либо начать другой, обреченный на неудачу, цикл инфляции, либо совсем отказаться от поиска, отдаваясь унижению как плате за освобождение.

Например, Луций отказался от образа себя в роли знатока магии. Ашенбах отверг свои иллюзии относительно собственного юношеского потенциала, а вместе с ними и саму жизнь. От чего отказался Энколпий, мы точно не знаем, так как сохранившийся текст недостаточно полон, чтобы об этом судить.

Из тех мужчин, чьи сны здесь приведены, двое должны были отказаться от своей профессии, которую они с таким трудом приобрели, а третий - отверг свое публичное религиозное обязательство, что было, по его мнению, освобождением. Еще один пациент отказался от брака, который поначалу хотел сохранить, а двое отвергли "сексуальное тождество", провозглашенное со всеми публичными почестями, что совпадает с политизированной сексуальностью, характеризующей наше время.

Все мужчины нашли подобное принесение жертв унизительным, так как они требовали отречения от инфляцированной персоны, в которую сами же они вложили значительную часть своей жизни и от которого ожидали "благодарности" в форме подтверждения со стороны окружающих их людей. Отказ от подобных ожиданий означает мучительную конфронтацию с самой возможностью - а часто и реальностью - быть отвергнутыми теми людьми, которые для нас очень важны.

Более того, нет гарантии, что сами принесенные до этого жертвы окажутся достаточными; в запасе у некоторых и в дальнейшем могут случиться инфляции, обрезания и унижения.(См Monick Eugene Phallos Sacred Image of the Masculine Особенно страницы 15 и 48, где описание данного процесса дано более детально и приведены примеры "боязни кастрации", что обычно вызывается непрочными взаимоотношениями с фаллосом)

В терминах мифа это приводит к отказу от идеи восстановления Приапом того, что он когда-то отнял. Это переживается в виде принятия своей импотенции, своей кастрации, как постоянно кажущегося состояния или в форме принятия детского страха мужчиной, что он, - в конечном итоге, застенчиво женоподобный и навсегда отделенный от мира мужчин, - девочка. Переживание неметафорически, в конкретике того, что Лопес-Педраса называет "риторикой Приапа", может привести к постоянной импотенции, как в случае с постхирургическими пациентами, приведенном в четвертой главе.

История Луция, по-видимому, может служить красноречивым изложением утраты и последующего восстановления фаллоса. И, по мере того, как мы исследуем последние фазы этого процесса, то мы подходим к ним ближе и ближе. То, что, по всей видимости, Луций оставил, может быть легко названо колдовством, то есть фатально преувеличенным увлечением ведьмами и их практикой, что часто встречается параллельно с темой матери и колдовства, упомянутой нами выше в связи с отделением фаллоса у современных мужчин.

На самом деле Луций отказался больше чем от просто преувеличенного (inflated) восхищения. Он должен был отвергнуть свое желание жить той жизнью, которую он вел до трансформации, отвергнуть желание жить вообще Фон Франц (Von Franz) описывает это следующим образом

"Он достиг самого глубокого места дна страдания Он прошел через личную трагедию в ее мучительных переживаниях и приблизился к морю, границе коллективного бессознательного В первый раз Луций отказался от того, чтобы впутывать сюда других людей и попытался быть самим собой со своим собственным горем, мучениями и одиночеством, и в состоянии такого изнеможения заснул" (A Psychological Interpretation of the Golden Ass of Apuleius, p 137)

И дальше

"В первый раз он даже не просил продлить ему жизнь Он устал от жизни, даже не заботясь о том дарует ли она [Изиду, богиня луны, к которой как к (царице безбрачия) Regina coeli он обращал свои мольбы] ему продолжение жизни или избавит от мучений с помощью смерти Единственное, о чем он просил, - это вернуть его самому себе В этом заключается сущность Дао, в которой может принимать участие и это, когда сталкивается с судьбой Не желать того или иного, отказаться от эгоистических побуждений, которые вечно чего-то хотят, не хотеть жить или умереть, или избавиться от страдания Он должен был осознать, что ничто не имеет значения, кроме возможности снова стать самим собой" (Там же, p 139)

Ашенбах приходит к похожему отказу также на берегу моря, потому что становится самим собой, "наблюдателем" Тадзио, без чрезмерной (inflated) претензии на что-либо еще и без ожидания каких-либо последствий Старый Ашенбах, уважаемый писатель, никогда больше не появится, он увидел сон и преобразился единственным возможным для него способом, с помощью смерти Как для него, так и для Луция, поиск восстановления предшествующего состояния закончился

Так как Стефан также приблизился к отказу от преувеличенных (inflated) и разрушительных профессиональных обязательств, он увидел следующий сон (отметьте, что имена Джим и Вилли очень похожи на имя автора)

Я сижу один в баре. Мимо меня проходит Джим, кинозвезда, затем поворачивается назад и обнимает меня сзади.

Следующий эпизод - я в Индии. Злой, сумасшедший мужчина, который убивает людей ножом, проносится мимо меня на машине. Я и другие начали преследование. Вилли и кто-то еще загнали его в угол. Началась борьба между ним и Вилли, и Вилли - к тому моменту, когда я подоспел, - рискует получить серьезное ранение, - он слишком молод для такой схватки и не совсем точно оценивает ситуацию. С чувством безысходности я довершаю битву длинным церемониальным мечом, а когда маньяк уже лежит поверженный, вонзаю меч еще раз в его промежность, затем в сердце. После чего он умирает. Я ухожу прочь с чувством печальной судьбы случившегося, глядя навстречу солнцу.

Стефан смог идентифицировать образ маньяка со своей собственной профессиональной претенциозностью. Долгое время он считал себя более ценным и важным для своей фирмы, чем об этом думали другие служащие, и поэтому он постоянно преувеличивал свой авторитет в раздражительной и защищающейся форме, ухитряясь при этом оскорбить любого, кто оказывался с ним более или менее тесно связан. Послание в виде сна рассматривает крайнюю необходимость для него самого взять всю ответственность за убийство, так как это оказывалось единственно правильным. Его аналитик этого сделать не может.

По истечении шести недель после этого сна Стефан начал далекодущие и для него и для его семьи унизительные изменения в своей профессиональной идентификации.

Глава 8

Фаза III: Разрешение

Божественное вмешательство

При обсуждение третьей фазы поиска мы оказываемся на относительно зыбкой почве: из трех первоначальных литературных спутников Энколпий и Ашенбах остаются позади - и только один Луций может рассматриваться в плане детальной иллюстрации того пути, на котором фаллос может быть возвращен - без всякой необходимости - посредством другого божественного вмешательства, уже не бога Приапа.

Нечто похожее происходит и во время психоанализа. Отказ от фаллического поиска сам по себе может быть завершением аналитического процесса, - человек получает возможность быть самим собой, без травмирующей напыщенности (*uninflated*), в естественной повседневности окружающего его мира. На ум приходит часто цитируемое утверждение З.Фрейда о том, что целью анализа является обретение способности "работать и любить".

Таким образом, рассмотрение третьей фазы может вывести нас за пределы аналитического обсуждения. Для некоторых вновь обретенный - или, возможно, первый - контакт с фаллосом и последующими трансформациями на их жизненном пути, возможно, и будет происходить в контексте психоанализа, но для многих других достижение желанной цели может осуществляться только после завершения формального аналитического процесса. В нашем случае мы должны исследовать такие психологические ситуации, когда энергия на поиск новых инфляций больше не затрачивается.

Хотя нам и не достает многого, о чем говорил Петроний, касаясь данной темы, мы знаем, что фаллос возвращается, и что его возвращает не тот бог, который его забрал, а Гермес.(*The Satyricon*, p. 163.)

Обманчивый, двуличный характер бога Гермеса делает его подходящим посланцем тому, у кого что-то было волшебным образом украдено. Кроме того, Гермес - один из Олимпийцев и в любом случае он является более всеобщим богом, нежели Приап. Это предполагает, что когда формально обособленный, автономный фаллический комплекс перестает быть автономным, то и Приап, как отдельное существо, сходит со сцены. В нем нет больше никакой необходимости, поскольку подлинная связь с фаллосом установлена.

Мы не знаем, что это означало в жизни Энколпия. Но, если рассматривать приапическую мифологию в целом, логично было бы предположить, что для восстановления фаллоса необходимо, чтобы это переживалось в менее конкретной манере, чем в первичной "риторике Приапа". Другими словами, фаллос перемещается из области внешней реальности в сферу психологической метафоры.

Вероятно, именно в этом заключается смысл того, что происходит, когда Изида заново собирает расчлененное на части тело Озириса, и, хотя она так и не обнаружила его пенис, тем не менее с помощью вмешательства божественной милости внешней относительно пределов этих, бесспорно, могущественных божеств, она зачала от него ребенка Ребенок, Гор, приходит на место Озириса, и это наводит на мысль, что новая неделимая индивидуальность и есть цель этого процесса.

Апулей в деталях описывает две последние фазы поиска. В случае с Луцием его отказ от всех инфляций - от всех желаний эго и даже от самой жизни - приводит к вмешательству самой

Изиды. Богиня вернула Луцию человеческий облик взамен на его обещание полностью изменить свою жизнь и посвятить себя служению ее культу.

Посвятительная инициация - вещь нелегкая. Она описана с немногими деталями, но сам финал умалчивается как некая тайна, которая не может быть вынесена за пределы культа. После напряженного периода жизни в храме, ограничений в еде и целомудрии, Луций рассказывает свои сны священнику и достигает своего рода кульминации (*climax*):

"Я бы сказал, если бы позволено было говорить, ты бы узнал, если бы знать было позволено. Однаковой опасности подвергаются, в случае такого дерзкого любопытства, и рассказчик, и слушатель. Но если ты обнят благочестивой жаждой познания, не буду тебя дольше томить. Итак, слушай и верь, что я говорю правду. Достиг я пределов смерти, переступил порог Прозерпины и снова вернулся, пройдя все стихии, видел я пучину ночи, видел солнце в сияющем блеске, предстоял богам подземным и небесным и вблизи поклонился им. Вот я тебе и рассказал, а гы, хотя и выслушал, остался в прежнем неведении.

Но передам то единственное, что могу открыть я, не нарушая священной тайны, непосвященным слушателям.

Настало утро, и по окончании богослужения я тронулся в путь...

Разукрашенный наподобие солнца, помещенный против статуи богини, при внезапном открытии завесы я был представлен на обозрение народа. После этого я торжественно отпраздновал день своего духовного рождения, устроив изысканную трапезу с отборными винами. Так продолжалось три дня. На третий день после таких церемоний закончились и священные трапезы, и завершение моего посвящения. Я пробыл еще несколько дней, пользуясь невыразимой сладостью созерцания священного изображения, связанный чувством благодарности за бесценную милость. Наконец, по указанию богини, внеся вклад за свое посвящение, конечно, далеко не соответствующий, но сообразно с моими средствами, я начал готовится к возвращению домой, столь запоздалому. (Апулей Золотой Осел, с 298-299)

Посвящение Луция требовало полной добровольной отдачи, поэтому его фактически заставили пережить (осознать) свою мужскую целостность в форме религиозной метафоры, а не конкретных событий его жизни, таких как прозаическая трансформация в животного или инфляциирование волшебных сил, которые он уже прежде нашел.

Что же это значит для мужчин в наше время? Если Приап интегрирован и исчезает, то следует предположить, что и само очарование анимой для юношеской мужественности, которое эту маскулинность породило, тоже закончилось. Временная, зависимая от матери, коллективно-ориентированная юношеская позиция по отношению к миру, лежащая в основе инфляции, будет заменена ощущением себя как мужчины, способного самостоятельно вершить свою судьбу. Тогда инфляция, вероятно, становится психологически невозможной, так как больше нет необходимости воздвигать защиту против боязливого чувства стать импотентом или женоподобным, преследующего мужчин без подлинных и очевидных фаллических оснований.

Если мужчина пытается пережить фаллос конкретно, в реальной жизни, то можно предположить, что он будет видеть его везде, куда ни посмотрит. Например, мужчины, чей фаллический поиск принимает форму поиска сексуальных контактов с другими мужчинами, видимо, будет искать и находить партнеров везде, где бы он ни был. Другой пример, если фаллический поиск приобретает форму поиска власти или превосходства - человек будет искать и находить других людей или ситуации или нации (если он политически амбициозен), которые, по всей видимости, нуждаются в руководстве. Окружающий мир приобретает форму в соответствии с проекцией фаллического образа.

Теперь, когда мужчина больше не питает инфляцию непрерывным поиском, а переживает фаллос внутри себя и не проецирует его вовне, фаллос теряет конкретность, присущую объективному (предметному) миру. В этом случае происходят две вещи: фаллос занимает подобающее ему место как часть психики, а не материального мира; материальный же мир

освобождается от принуждения со стороны мужской проекции, то есть рассматривается таким, каким он является на самом деле.

Трансформация

Любой, впервые переживший все окружающее вокруг себя без проекции, на самом деле испытал на себе трансформацию, которая распространяется даже за пределы самого человека. Он видит мир по-новому, более ближе к тому, каков он есть на самом деле. Он переживает фаллос как либидо - психическую энергию - с помощью которой занимает в мире определенную позицию.

По-видимому, что-то в этом роде случилось в конце концов и с Луцием, так как он продолжил свое религиозное посвящение в кульп Озириса и, что особенно важно, приобрел совершенно новую профессию и занял другое положение в жизни, став преуспевающим адвокатом в Риме. В ходе психоанализа и после его завершения трансформация обычно сразу не происходит. Видимо именно поэтому она редко бывает такой драматичной, как у Луция. Наоборот, фаллос восстанавливается постепенно в различных сферах жизнедеятельности человека. Можно сказать, что его возвращают несколько разных богов, и что божественное вмешательство происходит неоднократно.

Один из примеров подобного возвращения приводился ранее как сон с мечом, увиденный пациентом по имени Стефан (см. выше с. 97). Можно предположить, что фаллос, который он держал в руках, был дан Афиной или, возможно, Аресом, но в нашем распоряжении нет достаточных данных, чтобы делать какие-либо выводы.

Другой мужчина - Патрик - видел сон, указывающий на вмешательство неподвластной ему силы, - называй ее богом или внутренним направляющим центром. Самостью - в форме автомобиля без водителя: "Я шел домой. Молодая чернокожая женщина предложила подвезти меня на черном лимузине. Когда я сел в машину, то испугался, обнаружив, что в ней нет водителя Я спросил об этом девушку: та ответила, что машина запрограммирована, чтобы доставить нас к месту назначения Как только мы приехали, машина свернула налево с дороги туда, где когда-то был лесистый участок земли, но сейчас это место было покрыто асфальтом. Я сказал: "Нет, не говори мне, что они вымостили единственный оставшийся здесь кусочек травы".

Рассмотрение этого сна показывает, что он касается совершенно специфических сторон жизни Патрика. В течение многих лет он работал со все возрастающим идеализмом в решении своих профессиональных задач, касавшихся внутригородских проблем.

Патрик оказался в состоянии инфляции по поводу самопожертвования. Друзья и семья поддерживали это состояние, говоря как они восхищены тем, что он занимается этой сложной работой. Поэтому, когда он обнаружил, что чувствует себя слишком подавленным и апатичным, чтобы встать и пойти на работу, то испытал огромную вину и беспокойство, и это, в конце концов, привело его к психоанализу.

Сон дал понять Патрику, что свое "место назначения" он должен рассматривать не с точки зрения собственной работы, а как нечто земное, естественное, вырастающее из его индивидуальности; это подтолкнуло его к далеко идущим изменениям: установка стала учитывать специфику его личности, то, что и как он делал. Очевидно, в XX веке по крайней мере одна богиня сменила свою античную колесницу на лимузин.

Сон Роберта:

"Придя домой, я обнаружил окно открытым, а сигнализацию отключенной. Я

очень беспокоился, что кто-то мог проникнуть в дом, хотя все было на месте. Затем моя жена нашла на полу огромный нож старинной работы. Должно быть, его оставил незванный гость".

В связи с этим сном в ходе психоаналитической процедуры Роберт был ознакомлен с мифологией Приапа. Он соединил карманный нож, возможно, оставленный во время ночной кражи (подобные действия напоминают о боге Гермесе, известном своими воровскими повадками), с ножом для обрезания, который принадлежит богу Приапу. Необходимая в этом случае взаимосвязь с женским началом показана в "Золотом осле" путем демонстрации вмешательства богини Изиды; в примере со сном она, вероятно, устанавливается благодаря тому, что не сам Роберт, а его жена, подобрала нож.

Роберт увидел этот сон в то время, когда начал ощущать свою мужскую автономность (независимость) в рамках новой профессии и личной жизни. Он сказал, что почувствовал, что нож теперь его. Прежде отделенный фаллос был интегрирован в той степени, что бог, держащий нож в руке, больше не являлся самостоятельной частью его психики.

Роберт, Стефан и Патрик - все осознали, что их поиск не может быть возобновлен. Инфляционированная установка (Inflated attitude), приводящая к чувству дискомфорта и унижения, и требующая психоанализа, должна была постоянно отвергаться. Теперь же она заменилась подлинным чувством самости, включая как индивидуальные потенции, так и, собственно, реальные ограничения.

Что же представляет собой мужчина, достигший данной точки в своем психологическом путешествии? Описание, данное в последних главах "Золотого Осла" Апулея, сохраняет значение и до сегодняшнего дня.

Первое, Луций демонстрирует новую установку по отношению к психическому. С того момента, когда он вновь приобрел человеческий облик, Луций обеспокоен тем, чтобы не делать того, чего хочет его это, но делать все, что потребует от него Изида (анима, его внутренняя женщина).

Он уделял пристальное внимание своим снам. Это приводит его к посвящению в кульпту Изиды, даже несмотря на сопротивление этого, от которого требовалось пойти на определенные необходимые издержки и дать строгие клятвы. После чего богиня приказывает ему идти в Рим - опять же против его желания - и именно там быть посвященным в кульпту "величайшего Отца Богов, непобедимого Озириса".(Там же, с. 299 - 300.) Это поставило Луция в другое положение: видимо недостаточно остаться в мистическом созерцании анимы и того, что с ней связано, мужчина должен продвигаться к взаимосвязи с архетипом отца, который подразумевает некоторое место в мире, так как "Бог добавил, что под его божественным покровительством (Я) достигну славы (известности) в изучаемой профессии".(Там же, с. 300.) Плата за это посвящение отняла у Луция последние деньги, так что он был вынужден зарабатывать на жизнь; Луций начал вести "совершенно благопристойный образ жизни в качестве адвоката".(Там же, с. 301.)

Необходимость в третьем посвящении была осознана Луцием благодаря "доброму богу, чье имя я не знаю" (Там же.): на самом деле это был Озирис, но в другой личине. Дальнейшие изменения в установке видны из отрывка, приведенного ниже: "После этого ... принимаю на себя ярмо божественного воздержания, добровольным усердием продлив десять дней поста, предписанных вечным законом, и в приготовлениях не жалею издержек, руководствуясь более благочестивым рвением, чем требуемыми размерами. И, клянусь Геркулесом, не пожалел я о хлопотах и издержках; по щедрому божьему промыслу у меня увеличилась плата за мои выступления на суде".**

Другими словами, Луций принес добровольно в жертву материальное благополучие, точнее совершил антиинфляционное действие, требуемое от него обрядами Приапа. Таким образом, его окончательное посвящение, видимо, должно было достаточно крепко научить его быть самим собой, чтобы противостоять инфляционным искушениям.

Строчки, завершающие книгу Апулея, вероятно, подтверждают это ссылкой на явление маскулинности - страх потерять свои волосы - которая особенно уязвима к искусственным и преувеличенным компенсациям: "Снова обрив голову, я вступил в эту стариннейшую коллегию, основанную еще во времена Суллы, и хожу теперь, ничем не покрывая своей плешиности, радостно смотря в лица встречных".

Подчинение психическому, внимание к снам, профессия, основанная на внутреннем призвании, добровольной жертве и религиозной установке, - вот результаты путешествия Луция. Именно они, в конце концов, защищали его от фатального инфляционного круга. Любой современный психоанализ, достигший подобного результата, может считаться вполне успешным.

Заключение

В качестве итога давайте изложим элементы приапического мифа на языке аналитической психологии.

Начнем с фаллоса - мужского либидо, ощущения способности самому вершить свою судьбу, создавать самого себя в соответствии со своим внутренним образом, относиться к требованиям коллективного, скорее, как к возможностям, а не обязанностям. Доступ к фаллосу заблокирован сексуализированной идентификацией или фиксацией на юношеской маскулинности в одном или нескольких ее аспектах. Пребывание в состоянии незрелости обязано своим существованием требованиям матери и коллектива, как своеобразная плата за возможность отношений с другими.

Подобная блокировка может быть результатом сексуализированного переноса матери на своего сына. Но может оказаться и следствием культурной фиксации на юноше как идеале мужчины в случае специфических ожиданий во взаимоотношении или индивидуальной интроекции юношеского как мужского идеала, который необходимо в себе поддерживать. Если фаллическая энергия отвергается сознательно, то происходит ее отделение. Она становится автономным комплексом, который может символизироваться мифическим богом Приапом.

Меж тем мужское это, чувство немужского или женоподобного, компенсируется с помощью инфляционных фантазий и инфляциированной персоны, в их усилиях утвердить себя в этом мире. Подобные инфляции всегда кажутся коллективно детерминированными, поскольку оказываются попытками приспособиться к внешним стандартам так, чтобы это давало и выгоду, независимо от действительных способностей или личностных характеристик индивида.

Таким образом, Приап, или отделенный комплекс, становится своего рода защитником интересов Самости, архетипа целостности и регулирующего центра психики. Но, так как у него нет доступа к восприятию этого, то он может только стремиться к интеграции, действуя драматическим путем против этого, привлекая к себе внимание этого, безжалостно подрывая инфляциированную позицию, созданную им.

Естественно, любой успех со стороны Приапа переживается этого как унижение, от которого необходимо избавиться как можно скорее; поэтому вскоре и создается другая

инфляциированная позиция, ситуация зацикливается и повторяется до тех пор, пока боль повторяющихся унижений не заставит его более внимательно посмотреть на их подлинную причину. Такое разбирательство становится центральным в психоанализе этих мужчин.

Отказ от инфляции, видимо, невозможен без переживания некоторого унижения. Если мужчина способен понять и принять то, что он не тот, кем он так старается быть, и, в конце концов, оставить такие попытки, то Приап сделал свою работу.

Инфляционные иллюзии и эго-доминирующая персона исчезают и оставляют мужчину отрезвленным, открытым для влияний Самости, которая может направить его на истинный путь, в гармонии с его подлинной индивидуальностью. Этим и объясняется то, что фаллос возвращается не Приапом, а другими богами.

Конечно, чтобы сохранить восприимчивость к влияниям этого уровня психического, необходимо изменение в установке - "релятивизация эго"*, которое может изменить любой аспект жизни. Эго и персона больше не определяют действия человека, скорее, это следит за тем, что хотят "новые боги" - посланники Самости, и пытается осуществить их желания. Так как это взаимодействует с такого рода осознанием, то чудовищная инфляция, сопровождающая попытки этого ассимилировать Самость, становится маловероятной. **

Давайте рассмотрим также и метафоры, используемые психикой, для выражения отношений к эго, к эго, которому угрожает Приап. (Под метафорой я понимаю как интрапсихические образы или представления, так и психологически значимые паттерны или события в индивидуальной жизни). Можно предположить, что они встречаются в аналитическом процессе у многих мужчин, и их появление предполагает, что аналитику следует отнести более внимательно к взаимоотношениям анализанда и фаллоса.

Признавая власть Самости, это больше не может представлять себя как центр психического. Таким образом, "переживание Самости", - пишет Юнг, - "всегда является крушением эго" (*Mysterium Coniunctionis*, CW 14, par 778).

Сначала рассмотрим метафору чар и колдовства. Она встречается в истории Энколпия и Луция, также как в жизненных историях Роберта, Стефена и Давида. Психическое у мужчины зачастую склонно представлять возобновляющиеся в нем сексуальноокрашенные затруднительные состояния в виде зачарованного (околдованного) мальчика и интровертной матери (*mother-introject*). Зачарованность вызывает сомнения у мужчины относительно его половой идентичности, а в последующем может продуцировать образы трансвестизма и транссексуализма.

Теоретически, транссексуализм содержит в себе и положительное значение для взрослого, поскольку может препятствовать возникновению тех "порочных кругов" инфляции и унижения, в которые, в противном случае, неизбежно вовлекается "заколдованный" мужчина. Любой, кто наотрез отвергает саму идею становления мужского, едва ли уступит инфляциированным и эгодетерминированным представлениям о том, каким ему быть.

Действительно, можно предположить, что шаманы-трансвестисты, обнаруженные в некоторых племенных общинах, могли появиться из подобного рода ранних взаимоотношений с матерью, и что они получают силу и общественную роль от своего иммунитета к ослабляющей инфляции, которая выступает сражающейся за мужской статус стороной, успешно навязываемой другим.

Основательная проработка данного вопроса требует обширного клинического материала, касающегося трансвестизма. И все же рассуждения на эту тему дали одному из анализандов - Эдварду - точку отсчета для рассмотрения его собственных трансвестических действий. Это

произошло в результате сна, наведшего пациента на мысль, что существует связь между трансвестизмом и сильным фаллическим комплексом, схожим с тем, который мы рассматривали выше.

Эдвард рассказал, что ему нравилось носить женскую одежду, не потому что у него возникало какое-либо желание выглядеть как женщина, а потому, что в ней он чувствовал себя свободным от мужских ролей, которые казались ему неподлинными и вынужденными.

В дальнейшем он доказывал, что часто и женщины носят мужскую одежду, и никто не считает это оскорбительным для окружающих. Он не понимает, почему также не должно быть верным и обратное. В повседневной жизни он не стремится шокировать незнакомых людей своим гардеробом, но считает это уместным в кругу своих близких, которые понимают и принимают его поведение. Эдвард говорит, что женщина, с которой он живет, считает, что он "более контактен" и с ним легче ладить, когда он носит женскую одежду.

Эдвард видел такой сон: "Я еду на своей машине (маленькая машина, которой у него уже не было) через парк. Со мной мой брат. Я - в юбке, а мой брат - в брюках. Я попытался сделать так, чтобы юбка была похожа на шорты, поскольку не был уверен как на это прореагирует брат, ноказалось, что ему все равно. Мы проехали мимо мощного старинного автомобиля с открытым верхом, ехавшем навстречу. За рулем сидел мужчина с весьма надменным видом, а на заднем сидении еще три человека. Я знаю, что мужчина очень богат, он живет в огромном доме в парке. Мой брат сказал, что как-то раз, поехав покататься, он столкнулся лоб в лоб с этим мужчиной".

Беспокойство по поводу того, какой будет реакция брата, говорит о том, что Эдвард чувствовал себя в юбке не так удобно, как ему того хочется сознательно. Тем не менее в этом заключается прямое указание на диссоциированный мужской комплекс, который причиняет ему меньше забот, когда он носит женскую одежду, а не брюки. В этом отделении есть также что-то архаическое и лишенное сил, потому что как маленькая машина Эдварда, так и огромная приапическая машина характеризуются во сне как старые.

Сон не дает очевидного ответа по поводу того, что предпочтительней: брюки или юбка, поскольку никакой вид одежды при появлении самого комплекса не вступает в контакт с богатством - энергией - который мог бы привести к реальной интеграции с этим комплексом. Эффект тщательной проработки комплекса, сконцентрированный на том, как Эдвард одевается, остается неизвестным, но, предположительно, это будет связано со своего рода изолированным и контролирующим высокомерием, определенной инфляцией, с которой обычно ассоциируется приапический комплекс.

Другой приапической метафорой является фиксация на phallus'e и его образах. Это, конечно же, следствие проекции отделенного фаллического комплекса во вне. Как можно представить, это выражается в огромном множестве форм, но хотелось бы более подробно остановиться лишь на одном из наиболее часто встречающихся случаев, который можно обнаружить в некоторых видах компульсивно неразборчивой гомосексуальности. Необходимо отметить, что существует некоторое отличие в связях между двумя мужчинами, которые могут включать, а могут и не включать какую-либо открытую сексуальность и своего рода принудительную "охоту за пенисом", что является предсказуемым результатом отрицания своего собственного прирожденного фаллоса. Более того, компульсивная охота за пенисом в своей наиболее конкретной форме известна среди мужчин, которые продолжают отождествлять себя как гетеросексуалы.

Поэтому при анализе мужчин, рассказывающих о своих гомосексуальных фантазиях или гомосексуальных переживаниях, следует внимательно отслеживать содержание этих фантазий и переживаний; о чем они говорят. Если вопрос заключается в отделении

фаллического комплекса, то подтверждающие это свидетельства могут быть найдены и в других аспектах психической жизни индивида. Но аналитик должен осознавать, что гомосексуальные фантазии и действия индивида, являющиеся следствием фаллического поиска, по-видимому, не влияют (или влияют весьма незначительно) на половую ориентацию его партнера в их долгосрочной связи.

Невозможно сколь-нибудь точно установить сколько мужчин были вынуждены приспособливаться к своему неразборчивому и неудовлетворяющему гомосексуальному образу жизни, будучи убежденными, что это и есть именно то, что требуется в их фаллическом поиске. Известные случаи, однако, позволяют предположить, что таких случаев не так уж и мало. Вышеприведенные примеры, как я надеюсь, дают более или менее ясную картину того, что приапический комплекс работает не зависимо от того, рассматривает ли мужчина сам себя как гомосексуала, гетеросексуала, бисексуала или как-то иначе.

Сходную позицию в неявном виде можно обнаружить в литературе и клинических данных. Среди более молодых мужчин общим оказывается проекция фаллоса на своих более старших собратьев по полу.

В качестве примера можно взять случай Давида или сон о чернокожем мужчине Роджера (см. выше стр. 91, 92). Однако, здесь мы сталкиваемся со своего рода энантиодромией, реверсией энергии, ее движением вспять в середине жизни. Мужчины в среднем возрасте, как правило, не испытывают (с необходимостью) физического влечения по отношению к старшим. Наоборот, образ Приапа заменяется образом юного Диониса как полная ему противоположность, тот полюс, с которым субъект бессознательно и отождествляется. После этого мужчина кажется, скорее, похожим на пенис, ищущий тело, чем наоборот, так как он очарован юными созданиями мужского пола, напоминающими молодого Диониса.

Самым ярким примером этого может служить образ Густава фон Ашенбаха. Его случай помогает прояснить своего рода препятствие, которое ощущил, например, Арнольд, рассказывая о своей навязчивой тяге к молодым красивым мужчинам. Он знал, что желает контакта и близости с ними, хотя сам секс и не представлялся для него чем-то особенно приятным, а их половые органы его и вовсе не интересовали. Говоря метафорически, он был тем пенисом, которого, как они чувствовали, им не доставало. Поэтому, целью психического, которую он искал, была целостная сущность, состоящая из тела и пениса - нераздельный Озирис (Гор) или некастрированный Аттис - коротко говоря, психологическая связь с фаллосом.

Следует также учитывать скрытое значение нашего мифа в отношении самой метафоры фаллического поиска. История Приапа предполагает, что фаллический поиск - это фальшивый путь. Можно искать то, что потерял, сколько угодно и никогда не обрести его вновь. А найти только инфляцию, иллюзию или унижение Приап обрезает, но никогда не соединяет вновь. Поэтому поиск продолжается так долго, пока продолжает сохраняться иллюзия относительно того, что ее предмет может быть найден. Истинной же целью самого поиска, если можно так выразиться, является принятие поражения. Это унижение. Но не окончательное, скорее всего это унижение, которое может привести к преобразованию, трансформации.

В психоанализе это означает, что как от аналитика, так и от анализанда требуется нечто большее, чем интеллектуальное осознание. Унижение существует и происходит в мире, среди людей. Его принятие и переживание болезненно, и мужчины, зависимые от инфляции в своей самоидентификации, делают почти все, чтобы избежать его появления в сфере своих сознательных переживаний. И даже если они находятся за пределами инфляцииированной персоны, которая постоянно угрожает им и их окружению, наши данные свидетельствуют о том, что они должны переживать это очень глубоко.

Из этого вытекает вопрос о способности аналитика быть не только терпимым, но и сопереживать чувству унижения анализанда. Аналитик должен перетряхнуть все окопавшиеся в нем бессознательные тенденции, способные привести к унижению, - что само по себе является инфляцией, основанной, как и многие другие интенции, на бессознательной садистской позиции. Собственный анализ и переживание своего собственного унижения аналитиком являются здесь решающими, поэтому его задача и заключается в том, чтобы оказаться рядом с анализандом, когда тот говорит подобно Луцио, "Я - осел".

Та мысль, что унижение в сугубо частной жизни возникнуть не может, приводит нас к следующему положению, а именно, к самой метафоре конкретизации, которая, по всей видимости, является частью приапического комплекса. Можно испытывать глубокое чувство стыда по поводу всяческих непристойных секретов; но до тех пор, пока они не откроются другим людям в качестве определенных условий или положений в мире, они не могут, собственно, рассматриваться как унижающие. Инфляция, наполняя эти условия (положения) воздухом, как бы деконкретизирует их в противоположном процессе и может рассматриваться в качестве стратегической обороны против унижающей несостоятельности в конкретной реальности. Приап, как мы видим в четвертой главе, конкретизирует. Имея дело с инфляцией, аналитик тоже должен конкретизировать. :

Не означает ли это тогда, что аналитик должен - сознательно и осторожно - унижать своего пациента? В некотором смысле - да, так как он и должен быть тем другим, с кем анализанд переживает унижение, и должен сделать все необходимое, чтобы облегчить это переживание.

У нас здесь нет возможности обсуждать аналитическую эмпатию, такт, уважение, доброту и любовь, но должно быть понятно, что это своего рода человеческие ресурсы, к которым аналитик порой вынужден прибегать, сталкиваясь с самыми неприятными конкретизациями, если он хочет, чтобы психика анализанда избрала именно его как человека, способного быть рядом в момент, когда требуется пройти через унижение. И тут мы видим опять, что аналитик, испытавший на самом себе, что такое унижение, оказывается в наиболее выгодном положении в деле достижения положительного результата в этом очень деликатном процессе. Избегать унижения - значит затянуть поиск и анализ на неопределенное время.

Осталось рассмотреть еще одну метафору: и, возможно, она объяснит недостаточность мифологии Приапа. Приап - это все же лишь некоторый фрагмент, нечто, что иногда, но не всегда, отделяется от мужского в целом. Он представляет собой просто комплекс, и до тех пор, пока такой комплекс существует, он является препятствием к индивидуации, поскольку его существование означает разделение. Это вновь напоминает нам о том, что Приап обрезает, но не может восстановить. Его реинтеграция является существенным шагом в процессе, ведущем к мужской нераздельности, то есть, к мужской индивидуальности. Только как целостная индивидуальность мужчина может продолжать свой путь, встретить женское как равноценную противоположность и исполнить свое созидающее предназначение.

Приап - бог второстепенный, но для тех, для кого он вообще существует, его реинтеграция может стать, как мы уже видели, главной целью.

В заключение давайте рассмотрим наш материал в более широком контексте западной культуры XX века, в которой инфляция мужского встречается повсеместно. Почему так происходит именно в наше время?

Ответ может лежать в нашем растущем осознании тех размеров, в которых само мужское, в виде патриархальных ценностей, господствует в нашей культуре, о чем так много стали писать с недавних пор. Юнг неоднократно подчеркивал, что сознательные установки всегда компенсируются их противоположными "двойниками" в бессознательном. Поэтому в таком

патриархальном обществе, как наше, созданном мужчинами и для мужчин с тех самых пор, как оно существует, неизбежно должна была возникнуть чрезвычайно сильная матриархальная фиксация в структурах коллективного бессознательного.

Иначе говоря, осознанный патриархат должен быть бессознательным матриархатом, то есть патриархальное мужское, управляющее делами нашего общества, должно иметь мощную бессознательную юношескую связь с архетипом матери. Только этого уже достаточно, чтобы запустить приапический цикл на культурном уровне, изолирование фаллоса, приводящее к тому, что мужское это создает ему инфляционную замену и т.д.

Здесь нужно быть внимательным и различать бессознательную связь с женским, которая является юношеской и матриархальной, и сознательную связь с женским - фаллическую, созидающую и равноправную. Последнее представляет собой конъюнкцию (См. Критический словарь аналитической психологии. М., 1994.) (*coniunctio*), от которой происходит новая жизнь и индивидуальность. Именно такое равноправное взаимоотношение имел в виду Юнг, когда ссылался на слова Фауста, упомянутые в первой главе нашей книги. Теперь мы можем понять, что этого может достичь только неинфляционированное взрослое (зрелое) мужское с полной фаллической силой.

Целью реинтеграции фаллоса является коньюнкция, или созидательность, отцовство. Говоря языком психологии, человеческая маскулинность может быть связана с самой маткой (*matrix*) либо в качестве ее сына, либо в роли ее любовника, но одновременной связи в обоих качествах быть не может. Такая двойственность функций была и остается прерогативой богов. Цель описанного нами приапического цикла - переместить мужское от взаимоотношений с женским как матерью к отношению к ней как супруге. Только так может произойти коньюнкция, которая даст рождение жизнеспособному культурному будущему.

Естественно возникает вопрос: какой будет культура, если маскулинность будет неотделима от фаллоса, не будет подвержена инфляции и окажется способной к созидальному объединению со своей женской частью?

Такой вопрос легче задать, чем найти на него такой ответ, который сам бы не оказался инфляционированным, благодаря изобретательной фантазии. Тем не менее заманчиво считать, что внимание к созидательной встрече (*encounter*) может поднять и ценность творчества в глазах культуры. Идея культуры, в которой творчество ценится также высоко, как мы сейчас ценим инфляционированные мужские стремления типа гонки вооружений или достижение богатства с определенностью дает вызывающий и соблазнительный материал для фантазий на эту тему.

Но гораздо важнее подумать о нашем сегодняшнем положении. Оно не было бы таким ужасным, если бы личное унижение оказалось наихудшим возможным последствием инфляции мужского в нашей культуре. К сожалению, технология достигла такого уровня развития, на котором, используя эту технологию в целях инфляции, можно уничтожить наши ресурсы для дальнейшего развития самыми разнообразными и ужасными способами.

Однако, может ли культура испытывать и переносить унижение на глубоком (*profound*) уровне: исходя из мифа следует, что она должна, если фаллос должен быть реинтегрирован? На ум приходят относительно недавние культурные унижения, - Германия после второй мировой войны, Америка после Великой депрессии и вьетнамской войны (прибавим сюда СССР после афганской войны, крах коммунистической доктрины для всего бывшего соцлагеря - прим. russk. ред.); но они, судя по всему, не так уж сильно повлияли на наше инфляционированное и деструктивное использование технологии. Вероятно, здесь необходимо гораздо большее унижение, хотя трудно представить, в какой форме это может произойти. Всеобщий голод или фатальные пандемии (такие заболевания, как СПИД) - это две

возможности, которые приходят на ум, наряду с известной угрозой тотальной ядерной войны приходят на ум, наряду с известной угрозой тотальной ядерной войны.

Очевидность, конечно, заключается в том, что индивид никак не может непосредственно влиять на культуру, поскольку культура меняется в соответствии с динамикой коллективного психического, над которым человек не властен. Для него достаточно работать над своим собственным сознанием, так как на самом деле это все, что он может предпринять. Но даже в этом случае, когда мы имеем дело с индивидуальной психикой, мы упускаем многое из своих возможностей. Мы изо всех сил цепляемся за наши инфляциированные позиции, наподобие мужчины, упомянутом в предисловии, который пытался избежать знания о своем истинном росте на протяжении многих лет своей жизни.

Принятие собственного роста, принятие лысости, как в случае с Луцием, принятие глупости, индивидуальности, ограниченности, старости, слабости и т.д., видятся теми простыми способностями, которые приносит фаллос. В противоположность этому, самой молодости, видимо, нужно поддерживать иллюзию непогрешимости и совершенства. Переход от этой юношеской позиции к позиции перевоплотившегося Луция может показаться простой вещью, и, вероятно, так и могло бы быть, не будь та или иная культура всего лишь некоторым звеном в своем развитии.

Отчасти сходный момент в развитии культуры, должно быть, и дал начало мифу о Приапе в античной Греции и Риме. Можно надеяться, что и для нас общая психо-мифологическая установка будет столь же полезной. Юнг был настроен не слишком оптимистически относительно самой возможности такого развития: "Сознание в состоянии инфляции всегда эгоцентрично и не осознает ничего, кроме собственного существования. Оно неспособно учиться у прошлого, не способно понимать события, происходящие в настоящем и делать правильные выводы относительно будущего. Оно загипнотизировано самим собой, и поэтому с ним нельзя спорить. Оно неизбежно обрекает себя на смертельные бедствия. Довольно парадоксально, но инфляция - это регрессия сознания в сторону бессознательного. Так происходит всегда, когда сознание берет на себя слишком много бессознательного содержания и теряет способность различения, непременное условие (*sine qua non*) всякого сознания. Когда судьба в течение целых четырех лет разыгрывала всеустрашающую войну на сцене Европы - войну, которой никто не хотел, - никто не мечтал спросить о том, что или кто является истинной причиной ее возникновения и продолжения. Никто не осознавал, что европейским мужчиной овладело нечто, что лишило его свободы воли. И такое состояние бессознательной одержимости будет неизменно продолжаться, пока мы, европейцы, не убоимся нашего "всемогущего бога". Изменение подобного рода может начаться только с отдельного индивида... Поэтому, как мне кажется, важно, чтобы определенные индивиды или индивидуальные люди начали бы понимать, что существуют содержания, которые не относятся к эго-личности, а должны быть отнесены к психическому нон-эго. Если мы хотим избежать угрожающей инфляции, то должны прибегнуть к подобной ментальной операции. Для этого у нас есть полезные и поучительные примеры, рассказанные нам поэтами и философами: примеры и архетипы, которые можно назвать лечебным средством как для мужчин, так и для времен. Конечно, в том, что мы обнаруживаем, нет ничего, что годится для масс, - лишь некоторые потаенные вещи, которые мы можем беречь для себя в одиночестве и тайне от других. Но гораздо легче проповедовать всеобщую панацею всем остальным, чем самому себе, и, как известно, все не так плохо, когда все сидят в одной лодке. В толпе не может быть никаких сомнений; и чем больше толпа, тем больше проповедуемая истина, а, следовательно, - тем масштабней и катастрофа". (*Psychology and Alchemy*, CW 12, par. 563.)

Появление элементов мифа о Приапе в снах отдельных мужчин, как в описанных нами случаях, указывает на то, что изменения в индивидуальном сознании, о котором упоминает Юнг, имеют некоторый шанс проявиться. Однако, идентифицировать эти изменения как

спасение было бы само по себе инфляцией. Мы должны просто наблюдать их "в одиночестве и в тишине" - и осознавать то, что же оно вносит в жизнь индивидов, у которых эти изменения возникают.